

Выходятъ три раза въ мѣсяць Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб., — безъ перес. 4 руб.

1 Августа № 22 1881 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Дозволеніе вступить въ гражданскую службу.

Государь Императоръ, въ 23-й день мая 1881 года, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе бывшему архимандриту Кириллу, нынѣ лично почетному гражданину, *Феофану Доброленскому*, вступить въ государственную гражданскую и общественную по выборамъ службу, помимо однако же кievской, волицкой, архангельской, смоленской и калужской епархій, въ коихъ Доброленскій состоялъ на службѣ въ священномъ санѣ.

Учрежденіе стипендіи.

Г. синодальный Оберъ-Прокуроръ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 24-го апрѣля—5-го мая 1881 года, имѣлъ счастье испрашивать Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ житомирскомъ духовномъ училищѣ стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, на проценты съ капитала въ 1,200 руб., пожертвованнаго для этой цѣли, въ память 25-лѣтія царствованія Его Величества, священникомъ м. Веледникъ, овручскаго уѣзда, Евстафіемъ Янчинскимъ, съ присвоеніемъ оной, согласно желанію жертвователя, наименованія «Александровской», и представленіемъ Святѣйшему Синоду права утвердить положеніе объ означенной стипендіи. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ Государю Императору благоугодно было, въ 16-й день мая 1881 года, собственноручно начертать: «Согласенъ и благодарить».

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

— Отъ 8-го мая—14-го іюня 1881 г., за № 1022, объ измѣненіи порядка выдачи метрическихъ справокъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: а) предложеніе г. синодального Оберъ-Прокурора, отъ 25-го февраля сего года, за № 851, о предположенномъ Святѣйшимъ Синодомъ измѣненіи порядка выдачи метрическихъ справокъ о лицахъ, подлежащихъ исключенію изъ подушнаго

оклада за смертью, или по неспособности къ труду, вслѣдствіе дряхлости и б) справку изъ производившагося въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣла по сему предмету

П р и к а з а л и: министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ синодальнаго Оберъ-Прокурора, что онъ полагалъ бы исходатайствовать разрѣшеніе на предоставленіе церковнымъ причтамъ права выдачи, по требованіямъ волостныхъ правленій, справокъ изъ метрическихъ книгъ на предметъ освобожденія семействъ крестьянъ селеній, уплачивающихъ подати безъ круговой поруки, отъ взноса оброка за убылыхъ членовъ, а также за неспособныхъ къ труду по дряхлости. По соображеніи вышеизложеннаго съ закономъ (свод. 1876 г., т. IV, уст. о воинск. повин. ст. 106 и 107) и съ производившимся въ Святѣйшемъ Синодѣ въ 1840 году дѣломъ по возбужденному министерствомъ государственныхъ имуществъ вопросу, относительно порядка составленія выписей изъ метрическихъ книгъ о рожденіи крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, подлежащихъ рекрутской повинности, Святѣйшій Синодъ предоставилъ г. синодальному Оберъ-Прокурору увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ, что Синодъ не встрѣчаетъ препятствій къ испрошенію разрѣшенія на предоставленіе церковнымъ причтамъ права выдавать, по требованіямъ волостныхъ правленій, вышеупомянутыя справки изъ метрическихъ книгъ, съ тѣмъ, чтобы собраніе свѣдѣній изъ метрическихъ книгъ священнослужители могли предоставлять волостнымъ старшинамъ съ писарями, которые обязывались бы дѣлать это въ церкви, въ приличномъ мѣстѣ и въ присутствіи кого либо изъ причта, имѣющаго наблюдать за цѣлостію метрическихъ документовъ. Нынѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, сообщая г. синодальному Оберъ-Про-

курору, что предполагаемую Святѣйшимъ Синодомъ мѣру, относительно собранія свѣдѣній изъ метрическихъ книгъ о вышеозначенныхъ лицахъ, министерство находитъ вполне достаточною, проситъ увѣдомить о послѣдующемъ распоряженіи по сему дѣлу. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать о вышеизложенномъ, чрезъ напечатаніе въ Церковномъ Вѣстникѣ, по духовному вѣдомству для руководства на случай, если волостныя правленія будутъ обращаться къ священноцерковнослужителямъ съ требованіемъ вышеозначенныхъ справокъ.

— *О письменныхъ упражненіяхъ семинарскихъ воспитанниковъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 112, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному правленіемъ черниговской духовной семинаріи вопросу касательно установленія промежуточныхъ дней между подачею семинарскими воспитанниками письменныхъ упражненій и назначеніемъ новыхъ упражненій, Приказали: Учебнымъ Комитетомъ въ разное время, по мѣрѣ нужды, даваемы были семинарскимъ начальствамъ, съ утвержденія Святѣйшаго Синода, руководящія разъясненія и правила по предмету письменныхъ ученическихъ работъ, обнимающія это дѣло не только въ основаніяхъ, но и въ подробностяхъ правильнаго его веденія, при чемъ частѣйшее примѣненіе сихъ правилъ, въ томъ числѣ и установленіе, такъ называемыхъ, промежуточныхъ сроковъ между подачею одного сочиненія и назначеніемъ

другаго, предоставляемо было на усмотрѣніе самихъ семинарскихъ правленій. Нынѣ, принимая во вниманіе, что нѣкоторыя семинарскія начальства испытываютъ затрудненія при опредѣленіи количества промежуточныхъ дней между сочиненіями, иныя же назначаютъ сочиненія непосредственно одно за другимъ, безъ всякихъ промежуточныхъ сроковъ, отъ чего происходитъ много неудобствъ, какъ для учащихся, такъ и для самихъ наставниковъ, Святейшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: установить въ семинаріяхъ одинаковый для всѣхъ классовъ трехдневный промежутокъ между сроками подачи одного сочиненія воспитанниками семинаріи и назначеніемъ другаго; о чемъ, для исполненія, объявить правленіямъ духовныхъ семинарій чрезъ Церковный Вѣстникъ.

75	-	1	Горбачевъ Георгій
70	1	1	Русской Пресвитеріи Покровской
41	-	1	Наумъ Гавриилъ Евревичъ
32	3	1	Атласъ воеводъ Георгій Яковлевъ
70	-	1	Латинской Пресвитеріи Мадридской
52	2	1	Нового русско-латинскаго словаря Павла Ковалева
41	-	1	Переводъ съ русскаго языка на латинскій Школы
15	1	1	Латинскаго снѣтленскаго словаря
02	-	1	Русской Пресвитеріи
38	1	1	Русской Пресвитеріи Фелера
15	1	1	Переводъ съ русскаго на русскій языкъ
00	-	1	Родины Радомежскаго
08	3	1	Восточныхъ путешествій
38	3	1	Новый словарь и означенія
30	4	1	Алфавитнаго мира, Рудя
02	-	1	Звѣзднаго неба
00	-	1	Учебной Георгій для 1-го курса, Георгій
-	1	1	Историческія и политическія свѣданія о Русской землѣ

II.
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по содержанію Житомирскаго духовнаго Училища за 1877 годъ.

(Окончаніе).

№ 4.

СЧЕТЪ МАТЕРІАЛЬНЫЙ ПО ВЫПИСКЪ КНИГЪ ДЛЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ И ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ, И ДРУГИХЪ ПО БИБЛИОТЕКЪ РАСХОДОВЪ. 1877 ГОДА.

НАЗВАНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.	Число экзем- пля- ровъ.	На сумму.	
		Р.	К.
Географіи Сергѣева	1	»	75
Русской Хрестоматіи Поливанова	1	1	70
Науки грамотѣ Перевлѣскаго	1	»	41
Атласа всеобщей Географіи, Линсберга	1	3	32
Латинской Грамматики Мадвинга	1	»	76
Полнаго русско-латинскаго Словаря, Ивашковскаго	1	5	52
Перевода съ русскаго языка на латинскій, Шписа	1	»	41
Латинскаго синтаксиса, Килера	1	1	15
Греческой Этимологіи	1	»	92
Греческаго Учебника, Фокова	1	1	38
Переводовъ связныхъ съ греческаго на русскій языкъ	1	1	15
Родины, Радонежскаго	1	»	69
Воздушныхъ путешествій	1	3	68
Новой Зеландіи и Океаніи	1	3	38
Альпійскаго міра, Чуди	1	4	30
Звѣзднаго неба	1	»	92
Учебной Географіи для 1-го курса, Сергѣева. Историческихъ и поэтическихъ сказаній о русской землѣ	1	»	56
	1	1	»

НАЗВАНІЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.	Число экзем- пляр- ровъ.	На сумму.	
		Р.	К.
Отрывковъ сочиненій: Пушкина	1	»	90
Жуковского	1	»	90
Гоголя	1	»	90
Этимологіи славянскаго языка, Бѣлявскаго	1	1	»
Церковнаго Вѣстника съ Христіанскимъ чте- ніемъ	1	7	»
Народной Школы	1	4	50
Семейныхъ вечеровъ	1	11	»
Семьи и Школы	1	12	»
Филологическихъ записокъ	1	6	»
Дѣтскаго чтенія	1	6	75
Воскресныхъ разсказовъ	1	7	90
Вѣсовыхъ, страховыхъ и за росписи	»	7	77
За переплетъ книгъ	»	28	45
За ариѳметическіе счеты для дробей	»	3	75
За исправленіе теллурія	»	»	75
И Т О Г О	29	130	57

№ 5

СЧЕТЪ О ПРИХОДѢ, РАСХОДѢ И ОСТАТКѢ КАНЦЕЛЯРСКИХЪ
ЛИЦУ ЗА 1876

		Отъ 1876 года оставалось.				
		Сколько.	По какой цѣнѣ.		На какую сумму.	
			Р.	К.	Р.	К.
На канцелярскія потребности:						
Бумаги	бѣлой					
	бѣлой № 5					
	бѣлой № 3	1 стопа	1	65	1	65
Сургучу	1-го сорта					
	2-го сорта					
	Стеариновыхъ невоскихъ свѣчъ	8 фунт.	10	95	2	19
Уплачено за переплетъ:						
	Разносной книги					
	5 экземп. классныхъ табелей					
	5 экземп. классныхъ журналовъ					
	3-хъ книжекъ ревизорскихъ отчетовъ					
	Приходорасходной книги					
	Книги, съ бумагою переплетчика, для записи принасовъ и матеріаловъ, закупаемыхъ для содержанія училища					
	Таковой же книги для росписокъ учениковъ въ полученіи ими казенныхъ вещей					
	Журналовъ Правленія за 1876 годъ					
Уплачено за напечатаніе бланковъ:						
а)	Для счета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ различныхъ предметовъ					
б)	Для вѣдомости содержанія лицъ управленія и учащихъ					
в)	Для вѣдомости о приходѣ и расходѣ по сибѣ ассигнуемыхъ суммъ					
г)	Для вѣдомости объ усѣбахъ и поведеніи учениковъ					
д)	Для отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по содержанію училища					
	Израсходовано по мелочамъ					
ИТОГО					3	84

5.
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ПО ЖИТОМИРСКОМУ ДУХОВНОМУ УЧИ-
1877 ГОДЪ.

Въ 1877 году вновь куплено.					Въ 1877 году израс-ходовано.					Затѣмъ въ остаткѣ въ 1878 году.				
Сколько.	По какой цѣнѣ.		На какую сумму.		Сколько.	По какой цѣнѣ.		На какую сумму.		Сколько.	По какой цѣнѣ.		На какую сумму.	
	Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.		Р.	К.	Р.	К.
1 стопа	>	>	3	25	1/2 стоп.	3	25	1	62 1/2	1/2 стоп.	3	25	1	62 1/2
1 —	>	>	2	75	1 —	>	>	2	75	>	>	>	>	>
2 дести	>	25	>	50	2 дести	>	25	>	50	>	>	>	>	>
1 стопа	>	>	1	60	3/4 стоп.	1	60	1	20	1/4 стоп.	1	60	1	40
					1 —	>	>	1	65	>	>	>	>	>
1 фунт.	>	>	>	50	1 фунт.	>	>	>	50					
1 —	>	>	>	35	1 —	>	>	>	35					
					пу дѣ									
					8 фунт.	10	95	2	19					
				14	>	>	>	>	14					
5 табел.	>	40	2	>	5 табел.	>	40	2	>					
5 журн.	>	20	1	>	5 журн.	>	20	1	>					
3 книж.	>	>	>	87	3 книж.	>	>	>	87					
1 книг.	>	>	>	30	1 книг.	>	>	>	30					
1 книг.	>	>	>	40	1 книг.	>	>	>	40					
1 книг.	>	>	>	35	1 книг.	>	>	>	35					
1 книг.	>	>	>	40	1 книг.	>	>	>	40					
2 стопы	3	93 1/2	7	87	2 стоп.	3	93 1/2	7	87					
1 1/2 дест.	1	6	1	59	1 1/2 дест.	1	6	1	59					
1/2 стоп.	>	>	2	77	1/2 стоп.	>	>	2	77					
2 стоп.	6	>	12	>	2 стоп.	6	>	12	>					
1/2 стоп.	>	>	2	77	1/2 стоп.	>	>	2	77					
>	>	>	5	78	>	>	>	5	78					
>	>	>	47	19	>	>	>	49	1/2	>	>	>	2	2 1/2

№ 6
ПОДРОБНЫЙ СЧЕТЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ БОЛЬНИЦЫ ЖИТО-
МИРСКАГО ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА. 1877 ГОДА.

	По явлю		По явлю		По явлю		Серебромъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Уплачено за медикаменты въ теченіи года	1	83	3	25	1	60	76	47
Доктору, приглашенному для консультаціи	2	10	10	35	1	35	1	»
Сидѣлкѣ при больныхъ	14	»	40	»	3	»	3	50
	8	»	30	»	3	»	3	20
Израсходовано на разные предметы по мелочамъ.	19	75					19	75
И Т О Г О							103	93

№ 7.

**ПОДРОБНЫЙ СЧЕТЪ ДЕНЕЖНОЙ СУММЫ, УПОТРЕБЛЕННОЙ
НА МЕЛОЧНЫЕ И ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ РАСХОДЫ ПО ЖИ-
ТОМИРСКОМУ ДУХОВНОМУ УЧИЛИЩУ ВЪ 1877 ГОДУ.**

				Серебромъ.	
				Р.	К.
			1) Мелочныхъ расходовъ:		
			а) по ремонту	84	31
			б) по освѣщенію	2	21
			в) по конюшнѣ	19	76
			2) Экстраординарныхъ расходовъ:		
			на погребеніе ученика Лисицаго—		
			уплачено: за деревянный гробъ	6	75
			за вырытіе могилы	2	15
			несшимъ хоругви и тѣло	2	10
			исаломщикамъ	>	60
			извозщицу	1	"
			И Т О Г О	118	88

№ 8.

ПОДРОБНЫЙ СЧЕТЪ ПО ВЫПИСКЪ ПРОДАЖНЫХЪ УЧЕБНЫХЪ КНИГЪ ДЛЯ ЖИТОМИРСКАГО ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА ВЪ 1877 ГОДУ.

НАЗВАНІЕ КНИГЪ.	Число экземпляровъ.	По яѣнѣ.		На сумму.			
		Р.	К.	Р.	К.		
Географія Россійской Имперіи, Лебедева	5	92		4	60		
Географическаго атласа, Ильина	15	92		13	80		
Латинской Грамматики, Смирнова	10	64 ¹ / ₂		6	44		
Руководства къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій, Смирнова	5	46		2	30		
Св. Исторія Соколова {		Ветхаго Заѣта	15	27 ⁹ / ₁₅	4	14	
		Новаго Заѣта	10	27 ⁸ / ₁₀	2	76	
Объясненія богослуженія, Свирѣлина	15	46		6	90		
Прописи, Гербача	10	36 ⁵ / ₁₀		3	68		
Роднаго слова, части 1 и 2, Ушинскаго	15	64 ¹ / ₃		9	66		
Сравнительной Географіи, Смирнова	5	65		3	25		
Хрестоматія Носова {		греческой	15	70	10	50	
		латинской	5	75	3	75	
За пересылу книгъ				6	2		
Вѣсовыхъ, страховыхъ и за росписки					89		
88	811	И Т О Г О		125		78	69

ВОСП
Своо
внес
дерл
1. Ва
Ва
За
Ка
5. Л
Л
М
По
Ра
10. С
Б
Д
Д
15. Ка
Е
Л
Ш
20. Я
С
К
К
Ра
25. Л
Ба
Ба
Га
Га
30. Д
Д
Ка
К
Р
35. С
С
Т
Л
А
40. Га

1. СПИСОКЪ

воспитанниковъ Житомирскаго духовнаго училища, помѣщавшихся въ училищномъ общежитіи въ 1877 году.

А.	Руб.	К.	Руб.	К.
Свокоштные воспитанники, внесшіе плату за свое содержание:				
а) въ январскую и майскую треть—				
1. Баторевичъ Василь	52		Жилиховскій Иванъ	52
Баторевичъ Семень съ 1 февраля	42	67	Лясицкій Поликарпъ	52
Загоровскій Леопидъ	26		Малевицъ Сергій	52
Карашевичъ Константинъ	52		Немоловскій Сергій	52
5. Либацкій Михаилъ	52		45. Скалзубовъ Аполлонъ	52
Люткевичъ Евгений	52		Струтинскій Вонифатій	52
Малиновскій Аполлонъ	52		Тарановскій Александръ	52
Перхоровичъ Сила	52		Татаржинскій Гурій	52
Радецкій Алексій	52		Яцинскій Павелъ	52
10. Собуцкій Антонъ	52		50. Яроцкій Иванъ	52
Биличъ Аванасія	52		Яцковскій Θεодоръ	52
Денбновецкій Александръ	52		Дейниковскій Сергій	52
Дейниковскій Иванъ	52		Макаревичъ Юліанъ	52
Дейниковскій Яковъ	52		54. Ковалевскій Яковъ	52
15. Каршинскій Виталий по 1 июня	41		Ковалевскій Захарія за январь	52
Кошець Леопидъ	52		и февраль	8 50
Левицкій Василь	52		Александровичъ Антонъ за январскую	26
Лукасевицъ Николай	52		и майскую	26
Шеметило Акимъ	52		6. Лагутовскій Иванъ	26
20. Яроцкій Александръ	52		б) въ сентябрьскую треть—	
Страшкевичъ Григорій	52		1. Денбновецкій Александръ	26
Яцинскій Яковъ	52		Дейниковскій Иванъ	26
Кошець Симеонъ	52		Дейниковскій Яковъ	26
Радецкій Иванъ	52		Лилякевичъ Викторъ	16
25. Лилякевичъ Викторъ	52		5. Михалевицъ Иванъ	26
Багриновскій Евѳимій	52		Страшкевичъ Григорій	26
Бафталовскій Валеріанъ	52		Яцинскій Яковъ	26
Гашкулевичъ Климентъ	35		Багриновскій Евѳимій	26
Гаськевичъ Аптонъ	52		Бафталовскій Валеріанъ	26
30. Денбновецкій Евгений	52		10. Биличъ Аванасій	26
Дубиновичъ Филиппъ	52		Дубиновичъ Филиппъ	26
Каустиинскій Михаилъ	52		Левицкій Басиль	26
Крушинскій Стахій	52		Лукасевицъ Николай	26
Романовскій Константинъ	52		Скобельскій Павелъ	26
35. Скобельскій Павелъ	52		15. Тростниковъ Михаилъ	26
Страдомскій Θεодоръ	52		Яроцкій Александръ	26
Тростниковъ Михаилъ	52		Александровичъ Михаилъ	26
Яневицъ Павелъ	52		Доросевичъ Николай	13
Александровичъ Михаилъ	52		Жилиховскій Иванъ	26
40. Гашкулевичъ Иванъ	10		20. Каустиинскій Михаилъ	26

		Руб. К.		Руб. К.
	Романовскій Константинъ		Фирасевичъ Платонъ	23
	Струтинскій Воцифатій	26	Мирчаковскій Ипполитъ	26
	Тарановскій Александръ	26	Гаськевичъ Тимошеѣ	23
	Татаржанскій Гурій	26	Лотоцкій Михаилъ	23
25.	Ячтинскій Павелъ	26	10. Корницкій Венедиктъ	23
	Яроцкій Иванъ	26	Собудкій Семень	24
	Яцковскій Феодоръ	13	Панькевичъ Иларіонъ	23
	Дейниковскій Сергій	26	Ковалевскій Захарія съ 1 марта	22
	Ковалевскій Яковъ	26	Скалицкій Евграфъ	>
30.	Левицкій Всеволодъ	13	Абрамовичъ Василій	>
	Лисицкій Поликарпъ	13	16. Садовскій Василій	>
	Малевичъ Сергій	26	б) въ сентябрьскую треть—	
	Рябчинскій Александръ	13	1. Фирасевичъ Платонъ съ 1-го	
35.	Бояковскій Михаилъ	13	октября	9
	Вишневскій Антонъ	13	Лисицкій Аполлинарій	>
	Воевудко Константинъ	26	Ковалевскій Захарія	12
	Жураховскій Осипъ	26	Скалицкій Евграфъ	>
	Загоровскій Яковъ	26	5. Блонскій Павелъ	12
40.	Карвовскій Евгенийъ	26	Скализубовъ Феодоръ	>
	Панасенко Веніаминъ	13	Собудкій Семень	12
	Калустиевскій Владиміръ	26	Страдомскій Феодоръ	>
	Кичановскій Евгенийъ	26	Крушинскій Стахій	12
	Козловскій Иванъ	26	10. Гаськевичъ Тимошеѣ	12
45.	Люткевичъ Николоръ	26	Корницкій Венедиктъ	12
	Немоловскій Василь	26	Пискановскій Фавстъ	12
	Немоловскій Владиміръ	26	Лотоцкій Михаилъ	13
	Немоловскій Николай	26	Малиновскій Феодосій	12
	Погольскій Епифаній	26	Марчаковскій Ипполитъ	9
50.	Рябчинскій Василь	13	Садовскій Василь	>
	Рогальскій Николай	26	17. Люткевичъ Вячеславъ	10.
	Сайковичъ Ілія	26		
	Середовичъ Іона	13		
	Стаховскій Теофілъ	26		
	Стефановичъ Николай	26		
56.	Гардасевичъ Иванъ	13		
	И Т О Г О	3886	И Т О Г О	427
	Б.		В.	
	Половинноепархіальнокошт-		Пансіонеры, внесшіе плату	
	ные воспитанники, внесшіе		за прошлое по 1877 г. время	
	плату:		а) за сентябрьскую треть:	
	а) въ январскую и майскую		1876 года:	
	трети—		Лотоцкій Михаилъ	13
	1. Журковскій Даміанъ	23	Садовскій Василь	26
	Яроцкій Николай	23	Романовскій Константинъ	1
	Блонскій Павелъ	23	Загоровскій Леонидъ	26
	Лисицкій Аполлинарій	21	Кощеъ Леонидъ	11
	5. Малиновскій Феодосій	23	Люткевичъ Евгенийъ	26
			Панькевичъ Иларіонъ	3
			Рева Петръ за январскую треть	
			1876 года	3
			— — за майскую — —	15

б) за майскую треть		Руб.	К.
Ганжулевичъ Климентъ		12	
Ганжулевичъ Иванъ		12	
Лукаsevичъ Николай		16	
Загоровскій Григорій за майскую тр. 1875 г. 2 р. и сентябрьскую 12 р.		14	
Бохенскій Константинъ за январьскую треть		4	
Лисицкій Аполлинарій за сентябрьск. треть 1874 г.		10	
Будкевичъ Николай		8	
И Т О Г О		200	
А В С Е Г О		4513	17

Г.

Полные епархіальнобоштные воспитанники, содержавшіеся въ январскую и майскую треть 1877 года:

1. Гречина Александръ. Журковскій Осипъ. Калихевичъ Аркадій. Ковалевскій Іустинъ.
5. Копанскій Антонинъ. Крушинскій Христофоръ. Абрамовичъ Григорій. Бобровницкій Мелетій. Красовскій Николай.
10. Яворскій Теофанъ. Божевскій Константинъ. Бычинскій Михаилъ. Гвоздиковскій Агафонъ. Гардасевичъ Иванъ.
15. Гардасевичъ Мелетій. Левицкій Августинъ. Левицкій Теодоръ. Михалевичъ Иванъ. Пенчуковскій Александръ.
20. Шумскій Ілія. Будкевичъ Николай. Загоровскій Александръ. Загоровскій Петръ. Калихевичъ Владиміръ.
25. Карвовскій Евгенийъ. Ковалевскій Николай. Крашановскій Григорій. Крашановскій Ома. Левицкій Анатолій.
30. Лисицкій Александръ.

- Карвовскій Теодосій. Недоборовскій Петръ. Синеуцкій Антонъ. Синеуцкій Флоръ.
35. Пискановскій Фавстъ. Тимотіевичъ Иванъ. Скалозубовъ Теодоръ.
 38. Яроцкій Леонидъ.

б) въ сентябрьскую треть

IV класса.

1. Будкевичъ Николай. Загоровскій Петръ. Калихевичъ Владиміръ. Крашановскій Григорій.
5. Лисицкій Александръ. Недоборовскій Петръ. Синеуцкій Антонъ. Синеуцкій Флоръ. Тимотіевичъ Иванъ.
10. Ковалевскій Николай. Левицкій Анатолій. Шеметило Акимъ. Абрамовичъ Григорій. Красовскій Николай.
15. Яворскій Теофанъ. Вуйницкій Агапій.

II класса.

- Бычинскій Михаилъ. Гардасевичъ Мелетій. Загоровскій Александръ.
20. Божовскій Константинъ. Немоловскій Сергій. Ганжулевичъ Климентъ.
- I класса.
- Крашановскій Ома. Гардасевичъ Иванъ.
25. Яроцкій Леонидъ. Гвоздиковскій Агафонъ. Карвовскій Теодосій. Скоропадскій Вароломей. Радецкій Иванъ.
 30. Ганжулевичъ Иванъ.

Приготовительнаго класса.

- Дашкевичъ Никифоръ. Панасенко Веніаминъ. Кузьминскій Алексій. Левицкій Александръ. Яцковскій Иванъ. Немоловскій Теодосій.
38. Скалозубовъ Исаакій. Козловскій Іассонъ—въ теченіе всего 1877 года содержался на средства армейскаго духовенства.

2. СПИСОКЪ

учениковъ Житомирскаго духовнаго училища внесшихъ плату за право учения:

	Руб.	К.		Руб.	К.
а) Инословные —					
За 187 $\frac{1}{2}$ % учебный годъ:					
Астаховъ Георгій	10				
Барщевскій Михаилъ	10				
Хоменко Александръ	10				
За 187 $\frac{1}{2}$ % учебный годъ:					
Хоменко Николай	10				
Тихомировъ Иванъ	10				
Капустинскій Михаилъ	10				
Янкевичъ Александръ	10				
б) Инопархіальный воспитанникъ —					
Кошаровскій Автономъ			10		
в) Рабочинскій Константинъ					
				5	
				Итого	85

Съ подлиннымъ вѣрно: Дѣлопроизводитель Правленія Житомирскаго духовнаго училища Помощникъ Смотрителя, Н. *Карашевичъ*.

Редакторъ *Н. Бяляевъ*.

Дозволено цензурою. Кременецъ, 17 Іюля 1881 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Августа № 22 1881 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Украинофильство съ его затѣями о двуязыч-
ныхъ учебникахъ.

(Продолженіе).

Г.

Изъ отвѣта на два поставленные нами вопроса въ самомъ началѣ, довольно явственна какая-то крайне странная притязательность благожелателей къ нашему югу и югозападу.

Но въ чемъ же сущность по крайней мѣрѣ ближайшихъ и высказанныхъ мотивовъ, или причинъ этихъ притязаній? Ихъ можно свести къ тремъ пунктамъ: *во первыхъ*, намъ стараются внушить, что въ южнорусскомъ просторѣчїи нашего юга и югозапада, въ его нарѣчїяхъ и поднарѣчїяхъ заключается другой языкъ, отличный отъ нашего общаго русскаго языка, а потому, волею неволею, мы должны подчиниться ихъ притязаніямъ; *во вторыхъ*, что, не смотря на свои притязанія, наши благожелатели такъ милостивы къ намъ, что и сами не желаютъ со-
всѣмъ отнимать у насъ нашъ русскій языкъ. Мы и сами, говорятъ они, возстали бы противъ такого намѣ-

реніе, т. е., противъ устраненія русскаго языка изъ предѣловъ обученія; но эта уступка дѣлается ими только подѣ тѣмъ условіемъ, если все предварительное обученіе будетъ на проектируемомъ ими другомъ общемъ для насъ языкѣ (какая милость?); *въ третьихъ*, что это предварительное обученіе на проектируемомъ ими общемъ языкѣ было бы правильнѣе и естественнѣе нынѣшняго. Что же касается нашего русскаго языка, то, по проекту благожелателей, достаточно только, если въ двуязычныхъ учебныхъ книгахъ русскій текстъ будетъ приложенъ, «если это возможно», къ тексту южнорусскому, какъ первому, главному и господствующему. Вотъ тѣ пункты, въ которыхъ обозначаются притязанія къ намъ благожелателей. Неопытный читатель, не имѣвшій возможности изучать этотъ вопросъ на дѣлѣ, фактически, быть можетъ подумаетъ, что въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго; а между тѣмъ, въ нихъ цѣлое гнѣздо подъяческихъ ухищреній, въ соединеніи съ какою-то непонятною назойливостію, когда дѣло ясно, какъ день Божій.

Мы уже довольно ясно отвѣтили, что нашъ русскій образованный языкъ неразрывенъ съ нами, и что никакіе благожелатели не имѣютъ никакого права навязывать намъ и дѣтямъ нашимъ свои проекты обученія. А потому, для краткости въ отвѣтѣ на эти пункты ограничимся только немногими строками.

И впервыхъ, какой-это общій южнорусскій языкъ, о которомъ дають намъ замѣтить наши благожелатели?

Намъ достаточно извѣстны разсужденія въ подобномъ родѣ и тѣ цѣли, которыя имѣлись въ виду распространеніемъ подобныхъ разсужденій. Территорія, на которой имѣлись и имѣются въ виду эти цѣли; а потому, пускались и теперь пускаются въ ходъ разсужденія въ этомъ родѣ, очевидно такова, что хотя бы въ нихъ было много лживаго, то это лживое вовсе не обращало бы вниманія, лишь бы цѣль была достигнута—это парализованіе русскаго племени и русскаго языка, разложеніемъ ихъ

силъ (1). Не безызвѣстно намъ и то, что и племя лехитовъ упорно преслѣдовало и преслѣдуетъ ту же цѣль (2). Краткость записки не позволяетъ намъ входить здѣсь ни въ разборъ этихъ разсужденій, ни тѣмъ болѣе въ разсказъ о тѣхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, которыми обыкновенно вызывались и сопровождались эти разсужденія, хотя въ этомъ разсказѣ было бы для насъ много поучительнаго. Тѣмъ не менѣе, не можемъ не упомянуть, что самый генесисъ этихъ разсужденій и ихъ горькихъ послѣдствій уже долженъ бы внушить намъ нѣкоторое недовѣріе къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и нѣкоторое противодѣйствіе той цѣли, которая имѣется въ нихъ въ виду, и что было бы признакомъ нѣкоторой бездарности—поддерживать все то, что противъ насъ-же направлено. Но не останавливаясь на этой довольно грустной сторонѣ поставленнаго вопроса, стоить только спокойно вдуматься въ значеніе его, не теряя постоянно изъ виду и соприкосновенныхъ съ нимъ вопросовъ, и мы убѣдимся, что вышесказанное нами о рѣшительной несостоятельности притязаній къ намъ благожелателей, и съ этой стороны, ни на югу не теряетъ своей силы.

И въпервыхъ, повторяемъ, что это за общій, навязываемый намъ южнорусскій языкъ? Сколько бы мы ни истощались въ книжныхъ разсужденіяхъ объ этомъ языкѣ,

(1) Полагаемъ, что эта территорія каждому извѣстна.

(2) Въ 1862 году поступило на разсмотрѣніе цензуры 39 рукописныхъ сочиненій на южнорусскомъ просторѣчїи, и большинство ихъ композиторовъ были поляки. См. Замѣтку на замѣтку Ал. Лазаревскаго въ черниговскомъ листкѣ. № 9, 1863 г. См. о томъ же «Львов. Слово», 1881 г., № 10, передов. статью; Москов. Вѣдом. 1863, № 179, а также извлеченіе изъ упомянутой передовой статьи Львов. Слова съ примѣчаніями въ Каменецъ-Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, 1881 г., № 15—16. Впрочемъ, чтобы понять результаты, которыя имѣлись въ виду раздвоеніемъ племенныхъ силъ достаточно обратить вниманіе на безвыходное теперь положеніе русскихъ галичанъ.

они ни къ чему на дѣлѣ не приведутъ; потому что въ дѣйствительности общаго южнорусскаго языка не существуетъ, и мы рѣшительно напрасно только будемъ терять свои силы на слова, вмѣсто направленія ихъ къ какому-нибудь производительному труду.

Вовторыхъ, благожелатели думаютъ въ будущемъ сочинить этотъ языкъ, воображая, что «помѣхъ къ сочиненію его изъ разныхъ нарѣчій и поднарѣчій не будетъ» (1). Но довольно странно и жалостно дойти до такой болѣзненности воображенія, чтобы забыть, что созданіе общаго и дѣйствительнаго языка зависитъ не отъ личныхъ усмотрѣній и бѣганій какой-нибудь фракціи. Дѣйствительность и дѣйствительная общая сила языка образуются предварительнымъ, многовѣковымъ процессомъ цѣлой и самостоятельной народной жизни, выражающей въ словѣ всѣ функціи своего общегитія, всѣ отрасли наукъ нравственныхъ и физическихъ, законодательства, администраціи, искусствъ, различныхъ видовъ техники и т. д. Что же касается условій этого постепеннаго и долговременнаго образованія его дѣйствительной, а не воображаемой силы, то мало сказать, что цѣлою половиною своею, они также вовсе не зависятъ отъ нашего произвола и усмотрѣнія. Въ этомъ отношеніи образованіе дѣйствительнаго языка и его дѣйствительной силы можно безошибочно сравнить съ образованіемъ гениальной художественной концепціи и художественнаго произведенія, далеко не вполнѣ зависящимъ отъ нашей сознательной воли.

Нисколько не менѣе странно, напрашивающейся на отпоръ, и въ требованіяхъ какой-то компаніи, чтобы всѣ мы и дѣти наши приняли какой-то другой еще предполагаемый ею къ сочиненію языкъ. Всѣ эти суетливыя бѣганія изъ-за своихъ мечтаній о какомъ-то другомъ общемъ языкѣ, для насъ просто и жалки, и смѣшны.

Далѣе, тѣмъ жалостиѣе всѣ эти непрошенныя хлопоты

(1) См. выше: Русская Старина, Февраль, 1881 г.

благожелателей о насъ и дѣтяхъ нашихъ, что они идутъ замутивши глаза, и по неволѣ должны наталкиваться на крѣпкую, исторически создавшуюся дѣйствительность нашего русскаго слова. Какое, въ самомъ дѣлѣ, могутъ имѣть значеніе для насъ всѣ эти суетливыя обганы нашихъ благожелателей и самыя книжныя разглагольствованія, когда тысячелѣтнею исторіею создалось наше единство, и когда цѣлые вѣка обѣ стороны входили и входятъ одна въ другую, и словомъ и дѣломъ, безъ всякаго средняго термина, безъ всякихъ переводчиковъ, и вовсе ненужныхъ двутекстностей; когда обѣ стороны говорятъ и понимаютъ другъ друга непосредственно, и когда, наконецъ, тѣмъ же многовѣковымъ процессомъ нашей исторіи и общими трудами дѣятелей великой и малой Россіи (юго-западной) уже созданъ общій и могущественный русскій языкъ, съ которымъ, на всѣхъ нстанціяхъ нашего обученія, мы не можемъ разстаться, какъ не можемъ разстаться съ нашею грудью и головою, съ нашею плотію и костью.

И этотъ-то общій дѣйствительный языкъ нашъ имѣетъ всѣ признаки дѣйствительной силы, т. е., такой живой, осуществившейся силы, которая корнями своими живетъ въ душѣ,—въ умѣ и сердцѣ, и проявленіями въ самыхъ неувидимо-многообразныхъ письменныхъ произведеніяхъ, начиная отъ геніальныхъ умственныхъ и художественныхъ произведеній до заурядныхъ письменныхъ выраженій гражданскаго и житейскаго быта. Полнота его безспорнаго, выразившагося разцвѣта въ самыхъ разнообразныхъ письменныхъ произведеніяхъ — очевидна; но ея корень—въ томъ живомъ отношеніи нашей душевной жизни къ слову, что всѣ изгибы нашей мысли, всѣ понятія и представленія существуютъ для насъ и созерцаются нами не иначе, какъ въ члено-раздѣльныхъ звукахъ русскаго слова, и наоборотъ, къ каждому изгибу мысли мы восходимъ не иначе, какъ помощію этихъ же его звуковъ. Между тѣмъ какъ сочиняемый компаніею языкъ вовсе намъ чуждъ, неизвѣстенъ и вовсе не ну-

женъ. Напрасно какой-то благожелатель увѣряетъ, что русскій языкъ для насъ только *изученный*: что это ничтожная ложь, къ которой обыкновенно прибѣгаютъ *vanæ sine viribus iræ* (1), то это доказывается фактически, самымъ широкимъ выраженіемъ нашей жизни помощью русскаго слова. Сила нашего общаго, книжнаго образованнаго русскаго слова, какъ выросшая посредствомъ долговременнаго историческаго роста всей нашей жизни, имѣетъ для насъ всѣ признаки дѣйствительной силы, предъ которою должны отойти въ сторону произвольныя, субъективныя бѣганія и происки.

Между тѣмъ, при самомъ добромъ, при самомъ сочувственномъ отношеніи къ судьбамъ нашего юга и преимущественно югозапада, занимающаго самое бѣдственное авангардное положеніе, нельзя не признать аксіоматически, что общаго дѣйствительнаго языка, о которомъ разглагольствуютъ благожелатели вовсе не существуетъ, и потому, во всѣхъ ихъ усиліяхъ къ достиженію цѣли, мы видимъ только упорную трату времени и симъ на преслѣдованіе миража, которое неразрывно, съ одной стороны, съ самымъ фальшивымъ толкованіемъ отношенія къ намъ нашего образованнаго русскаго языка, а съ другой,—и съ собственными, навсегда неустраняемыми внутренними противорѣчіями. Что касается перваго, то есть, фальшиваго толкованія отношеній къ намъ нашего русскаго языка, то въ этомъ отношеніи наши благожелатели тянутъ одну пѣсню съ лехитами, и дружнымъ хоромъ усиливаются, кого можно, увѣрить, будто дѣйствительная сила нашего дѣйствительно-общаго русскаго слова зиждется угнѣтеніемъ. Ниже мы коснемся частнаго, въ высшей степени фальшиваго и, прибавимъ, малограмотнаго примѣненія къ нашему югозападу этого общаго приѣма; здѣсь же ограничимся только общимъ краткимъ примѣчаніемъ, что эти увѣренія до такой степени фальшивы, что, въ душѣ, едва ли вѣрятъ имъ сами же, по

(1) Пустая, напускная и безсильная ярость.

крайней мѣрѣ, болѣе толковыя благожелатели. Потому что каждый, сколько нибудь знакомый съ исторіею русскаго слова, не можетъ не знать, что сила его росла и выросла вездѣ въ предѣлахъ русскаго племени, безъ малѣйшаго соперничества и самодурства съ чьей либо стороны, а въ югозападныхъ предѣлахъ, даже при трудолюбивомъ, издавна, содѣйствіи его развитію, не можетъ не знать и того, что смѣшныя притязанія благожелателей новѣйшаго вѣдѣнія до такой степени новы, что никакой исторіи еще не имѣютъ. Прибѣгать, по этому, къ такимъ лживымъ объясненіямъ генесиса дѣйствительной силы нашего русскаго слова значить—клеветать, а клевета—признакъ внутренняго безсилія и неправды.

Но таково свойство внутренняго безсилія и неправды, что порываясь на аренѣ жизни къ роли дѣйствительной силы, они только запутываются въ непрерывныя внутреннія противорѣчія, которыя неизбѣжно сами собою, безъ всякаго съ чьей-либо стороны умысла, обнаружатся и въ практической жизни.

Вѣдь для того, чтобы языкъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, имѣлъ значеніе дѣйствительнаго и общаго, нужно, чтобы онъ уже задолго былъ осуществленъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ и получилъ уже единство въ предѣлахъ своего географическаго протяженія. Но ни такихъ призванныхъ произведеній, ни такого единства во всѣхъ южнорусскихъ просторѣчіяхъ вовсе не имѣется. Ни то, ни другое уже абсолютно и невозможно, въ виду дѣйствительнаго единства и общности нашего русскаго языка; по тому простому закону, что одна душа двухъ тѣлесныхъ организмовъ имѣть не можетъ. Отсюда, что должно быть результатомъ? То, что благожелатели постоянно будутъ усиливаться разными ухищреніями прежде пріобрѣсть какъ-нибудь внѣшнюю силу принужденія, въ надеждѣ, что при ея помощи достигнуть въ послѣдствіи хотя какого-нибудь единства, хотя какой-нибудь самой ограниченной общности и авторитета. Но ни то, ни другое абсолютно невозможно,

и вотъ съ этою-то дѣйствительною невозможностію, недоступною только парціальною суетливости, долженъ помириться здоровый смыслъ. Потому что мы не можемъ заставитьъ всѣхъ въ предѣлахъ нашего юга и югозапада принять новосочиняемый компанією языкъ. Другіе всегда имѣютъ право и всегда будутъ относиться къ этому сочиненному языку, съ его дикою орфографією, просто какъ къ мѣстному нарѣчію. Потому-то, напримѣръ Наумовичъ, по поводу украинофильскихъ затѣй говорить, и совершенно правильно, что «украинское нарѣчіе къ намъ червоноруссамъ въ такомъ же отношеніи, якъ нарѣчіе наше лемковское, угрорусское и т. далѣе, т. е., просто, какъ частное нарѣчіе и просторѣчіе, а не какъ общій языкъ, и ясно приходитъ къ той мысли, что для всѣхъ русскихъ нарѣчій и для русскихъ племенъ — и для новгородца, и москвича, и украинца, и гуцула и т. д., общимъ дѣйствительнымъ можетъ быть только одинъ языкъ, — русскій книжный языкъ, что это — какъ-бы живой церковнославянскій языкъ, что въ немъ какъ-бы высшая образованная формація малорусскихъ нарѣчій (1).

Изъ предъидущаго выходитъ и другое противорѣчіе. Украинофилы заявляютъ о пользѣ употребленія («Порядокъ» № 10) въ школахъ мѣстнаго просторѣчія (2); но когда доходитъ дѣло до формальной постановки дѣла, то уже говорится не о мѣстномъ просторѣчій, а о какомъ-то

(1) См. Львов. Слово, № 54, 1881, стр. 2. Мы могли бы привести и много другихъ заявленій, вовсе несогласныхъ съ украинофильскими притязаніями; но на этотъ разъ считаемъ ихъ излишними.

(2) Никто же и не отвергаетъ пользы употребленія въ школахъ мѣстнаго просторѣчія. Но, во первыхъ, въ какихъ школахъ, предъ какими учениками? Что во множествѣ школъ, съ огромнымъ множествомъ учениковъ употребленіе, при обученіи, мѣстнаго просторѣчія было бы нелѣпно и просто посмѣшищемъ, то это скажетъ каждый, знающій сколько-нибудь наши школы. Во вторыхъ, въ какихъ предѣлахъ полезно употребленіе мѣстнаго просторѣчія? Въ самомъ началѣ при объясненіи нѣкоторыхъ словъ и фразъ, но употребленіе постоянное также было бы дѣломъ нелѣпнымъ и совершенно бесплоднымъ.

общемъ, предполагаемомъ къ сочиненію языка. Мѣстныя просторѣчія существуютъ; а языка, о которомъ толкуютъ благожелатели, вовсе не существуетъ.

Какъ не существуетъ общаго дѣйствительнаго языка, о которомъ толкуютъ намъ благожелатели, такъ не существуетъ для него и общей дѣйствительной среды; потому что украинофильскія притязанія и проекты идутъ рѣшительно въ разрѣзъ съ настроеніемъ народа, постоянно и категорически заявляющаго желаніе учиться подобно всѣмъ намъ на нашемъ русскомъ языкѣ, съ присоединеніемъ церковно-славянской грамоты (1). Это—фактъ положительно извѣстный. Можно конечно прибѣгать къ какимъ-нибудь искусственнымъ спорадическимъ мѣбранъ, хотя для нѣкотораго смягченія этого огромнаго контраста; но скрыть и уничтожить нельзя.

Въ силу этихъ глубокихъ внутреннихъ противорѣчій, благожелатели и въ результатѣ непремѣнно и постоянно, неминуемо должны будутъ приходить и приводить не къ дѣйствительности, а къ нулю, къ чему-то несуществующему, недѣйствительному, а это желать себѣ непрерывнаго конвульсивнаго состоянія, къ которому обыкновенно приходитъ внутреннее безсиліе съ избыточными, болѣзненными порывами къ осуществленію.

Словомъ, бесплодное усиліе—придать воображаемому языку силу общаго и дѣйствительнаго, которой онъ вовсе не имѣетъ, а потому, какъ языкъ, вовсе и не существуетъ, повело бы только къ нескончаемымъ противорѣчіямъ и хаосу и во всей практикѣ образованія и жизни.

Здѣсь не мѣсто изображать даже ближайшія практи-

(1) Не можемъ не вспомнить при этомъ словъ покойнаго М. А. М. По поводу какого-то разговора, онъ вдругъ сказалъ, знаете ли что? Пробовалъ я, живя на моей горѣ давать нашему деревенскому люду книжицы на нашемъ просторѣчій; что же выходило? Каждый разъ очень скоро возвращали, прося нашихъ русскихъ книгъ. Больше онъ ничего не сказалъ, но замѣтно было, что кто-то желалъ увѣрить его въ противномъ.

ческія грустныя послѣдствія, которыя должны бы неизбежно возникнуть изъ внутреннихъ противорѣчій, скрывающихся въ притязаніяхъ благожелателей. Ихъ могъ бы раскрыть только горькій опытъ жизни. Но свойство этихъ губельныхъ и неистребимыхъ послѣдствій можно легко предъугадать по свойству логическаго или внутренняго противорѣчія въ затѣяхъ украинофиловъ. Эти послѣдствія не минуемо отразились бы и въ разладѣ преподавателей, и въ ропотѣ учащихся, наконецъ, въ ропотѣ самаго народа, которому даютъ вмѣсто рыбы ни къ чему ненужный песокъ.

Въ отвѣтъ на предъидущій пунктъ, да и во всемъ вышесказанномъ, уже содержится отвѣтъ и на второй пунктъ, отличающійся нелѣпостію перваго сорта. Но чтобы читатель рельефно могъ выразумѣть самое беззастѣнчивое сумасбродство благожелателей, употребимъ иносказаніе.

Представимъ себѣ, что кто-нибудь всю жизнь владѣетъ своимъ домомъ, что съ этимъ владѣніемъ у домо-владѣльца даже соединено много родовыхъ преданій. Но вотъ въ одно прекрасное утро приходятъ къ нему два, три жулика и заявляютъ, что этотъ собственный его домъ состоитъ въ ихъ полномъ распоряженіи. Не смотря впрочемъ на то, они—жулики такъ снисходительны, что и сами *возстали бы противъ* чьего-либо *напѣренія* отнять у него этотъ его домъ, и съ своей стороны, пожалуй, *если это возможно*, позволяютъ ему пользоваться этимъ своимъ домомъ, если онъ исполнитъ ихъ требованіе и будетъ сперва возить имъ тачкою песокъ и глину на ихъ постройку, которой *помыхъ не будетъ*, да и кромѣ того, если и потомъ, всегда, какъ-бы въ знакъ выкупа, будетъ работать на нихъ возкою песку и глины.

Вотъ вамъ въ иносказаніи точный смыслъ уступки намъ благожелателями нашего же образованнаго русскаго языка въ пресловутыхъ двутекстныхъ учебникахъ. Что сказать объ этой комической уступкѣ намъ со стороны благожелателей? Пусть читатель, уважающій свой

русскій языкъ, самъ отвѣчаетъ на эту чепуху. Мы воздерживаемся отъ всякаго отвѣта; знаемъ только что въ подобныхъ случаяхъ простые люди, не говоря ни слова, указываютъ такимъ благодѣтелямъ на двери; а мы душевно пожелали бы имъ обратиться еще къ обсужденіямъ психіатріи.

Но что бы читатель не счелъ нашего приговора крайнимъ, просимъ его только припомнить общеизвѣстный широкій фактъ, о которомъ мы говорили выше, что у насъ не только всѣ мало-мальски образованные, но и весьма многіе неграмотные говорятъ на своемъ русскомъ языкѣ, часто даже и не зная никакого южнорусскаго просторѣчія; а между тѣмъ, благожелатели дошли до такого умопомѣшательства, что позволяютъ намъ употреблять этотъ свой русскій языкъ, только подъ тѣмъ условіемъ, если мы сперва выучимся ихъ языку и учиться будемъ только на какомъ-то ихъ языкѣ.

Переходимъ къ краткому отвѣту на третій пунктъ въ заявленіяхъ благожелателей. Сущность же его, какъ мы уже знаемъ, состоитъ въ томъ, что мы должны прекратить обученіе нашихъ дѣтей на нашемъ русскомъ языкѣ, и впредь обучать ихъ не иначе, какъ на томъ языкѣ, который они намъ сочиняютъ. Только послѣ обученія предметамъ воспитательнаго образованія на этомъ предполагаемомъ ими, какомъ-то другомъ языкѣ, или отдѣльно отъ него, можно изучать и преподавать русскій языкъ, точно такъ же какъ мы изучаемъ какой-либо иностранный языкъ. Этотъ рекомендуемый благожелателями способъ обученія даже будетъ, по ихъ мнѣнію, способствовать *легчайшему усвоенію* русскаго языка. Сущестующій же у насъ теперь способъ обученія на нашемъ русскомъ языкѣ (хотя бы, напримѣръ, въ Кіевѣ), по ихъ мнѣнію *нелѣпъ даже* въ педагогическомъ отношеніи, и значитъ, преимущественно *нелѣпъ еще* въ какомъ-то другомъ отношеніи, которое только они знаютъ. Потому-то чтобы на будущее время не допустить и тѣни подобной нелѣпости, благожелатели даже въ этой милостивой

услугѣ намъ отдѣльнаго преподаванія нашего русскаго языка дѣлаютъ ограниченіе и говорятъ, что *разумности* даже этого отдѣльнаго преподаванія нашимъ дѣтямъ русскаго языка «много поможетъ употребленіе въ школахъ языка мѣстнаго», т. е., что преподавая нашъ русскій языкъ въ школахъ, нужно говорить не на русскомъ, а на мѣстномъ языкѣ.

Таково содержаніе третьяго пункта въ заявленіяхъ нашихъ печальниковъ. Для большей силы его, слѣдовало бы только прибавить, что наше обученіе на нашемъ русскомъ языкѣ нелѣпо уже и потому, что совершенно противорѣчитъ любвеобильнымъ о насъ планамъ лехитовъ, членовъ «просвѣты» и разныхъ валленродовъ, и—тогда всѣ заявленія были бы вполне убѣдительны.

Что сказать объ этомъ перлѣ образовательной мудрости благожелателей?

Мы уже столько высказали нашъ взглядъ по поводу нелѣпыхъ и вовсе ненужныхъ намъ двутектвостей, рекомендуемыхъ благожелателями, что нѣтъ нужды много о немъ распространяться. Да и самый-то перлъ такъ ярко блещетъ своими качествами, что не нуждается въ длинныхъ комментаріяхъ. Но что бы они имѣли больше отчетливости, нужно припомнить сказанное нами выше, что у насъ, какъ это бываетъ и во всѣхъ почти странахъ, одна часть народонаселенія говоритъ на своемъ образованномъ языкѣ, а другая употребляетъ только свое мѣстное просторѣчіе: одна часть народонаселенія, какъ извѣстно, говоритъ у насъ на своемъ русскомъ образованномъ языкѣ, или употребляетъ съ разными видоизмѣненіями этотъ русскій образованный говоръ, а другая—употребляетъ только свое мѣстное, южнорусское просторѣчіе. Необходимо только имѣть въ виду, что само по себѣ одно отвлеченное понятіе различія въ говорѣ обѣихъ сторонъ не даетъ еще достаточныхъ основъ для опредѣленныхъ категорическихъ примѣненій къ самой практикѣ и къ способу обученія; потому что различіе можетъ быть или слишкомъ велико, когда обѣ стороны не

понимаютъ другъ друга, или слишкомъ мало, когда обѣ стороны такъ понимаютъ другъ-друга, какъ бы онѣ говорили между собою на одномъ и томъ же языкѣ, на одномъ и томъ же нарѣчїи. Это-то обстоятельство и требуетъ вниманія для правильности практическихъ примѣненій въ обученіи этой другой части нашего народонаселенія.

Итакъ, если мы остановимся сперва на этой первой части нашего народонаселенія, которая говоритъ на нашемъ общемъ русскомъ языкѣ, будь она образованная, или необразованная и даже неграмотная, то естественно, каждый здравомыслящій скажетъ, что обученіе въ этой сферѣ не только должно быть на общемъ нашемъ русскомъ языкѣ, но что и необходимыя объясненія должны быть на томъ-же русскомъ языкѣ, на которомъ происходитъ и все обученіе, и на которомъ и говорятъ ученики. Заявлять мнѣніе, что употребленіе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣстнаго языка или просторѣчїя способствовало бы *легчайшему усвоенію* русскаго языка, значило бы только обнаруживать какое-то чисто субъективное настроеніе и неспособность — относиться къ нашему вопросу объективно и безстрастно. Потому что для чего и на какомъ основаніи мы будемъ вносить объясненія на мѣстномъ языкѣ или просторѣчїи, когда ученики съ перваго же класса говорятъ по русски, а мѣстнаго языка или просторѣчїя большею частію вовсе не знаютъ, или если и понимаютъ его, то крайне мало? Развѣ для того только, чтобы спутать и затруднить самое обученіе дѣтей, имѣть поводъ ставить имъ за ненужныя вещи единицы и двойки и ослабить у нихъ самое знаніе своего же русскаго языка (1)?

(1) Премѣч. По поволу рекомендуемыхъ благожелателями объясненій на мѣстномъ языкѣ или просторѣчїи, даже въ томъ случаѣ, если бы преподаваніе русскаго языка шло у насъ, согласно ихъ планамъ, отдѣльно, не можемъ не замѣтить, что въ немъ выразилось или непониманіе, или умышенное иска-

Что бы придать какую-нибудь благовидность своимъ проэктамъ, стараться увѣрить себя, что нашъ русскій языкъ для насъ изученный, но вѣдь это увѣреніе фальшиво, а выѣзжать на фальши скверно, потому что она

женіе психологико-педагогическаго закона, хотя читателю обыкновенно нѣтъ ни охоты, ни времени заниматься распутываніемъ такихъ гордіевыхъ узловъ. Дѣло въ томъ, что наши, мысленно сознаваемые нами представленія тогда только могутъ быть сознаны и другими, когда мы ихъ выразимъ (образными начертаніями или) членораздѣльными звуками или словами. Поэтому, когда, приступая къ обученію дѣтей, мы желаемъ вызвать у нихъ умственную работу надъ извѣстными намъ представленіями, то мы и можемъ вызвать у нихъ ряды этихъ представленій не членораздѣльными звуками имъ неизвѣстными, на примѣръ, terra, aqua, herba, caelum и т. д., но имъ извѣстными: земля, вода, трава, небо..., съ которыми, то есть, они уже заранѣе соединяютъ именно тѣ, а не другія представленія. Вотъ педагогико-психологическое начало въ самыхъ общихъ, отвлеченныхъ его чертахъ. Говоримъ: въ самыхъ общихъ его чертахъ; потому что въ практическомъ примѣненіи оно потребуетъ еще множества различныхъ видоизмѣненій. Вотъ этимъ-то совершенно-правильнымъ началомъ хотятъ порисоваться предъ нами благожелатели, хотя въ то же время, ломая его подъ вліаніемъ своихъ излюбленныхъ фантазій, несутъ вздоръ. Нужно, говорятъ нѣкоторые благожелатели, прикрываясь будто бы педагогическими интересами, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ употреблять въ объясненіяхъ мѣстный языкъ. Казалось бы хорошо сказано, и иностранецъ, или непонимающій дѣла согласится съ такимъ положеніемъ; а между тѣмъ, тутъ фальшь на фальши. Ктонибудь подумаетъ, что у насъ (на примѣръ, въ Кіевѣ, какъ центрѣ), мѣстный языкъ—не русскій, на которомъ всѣ говорятъ, пишутъ и думаютъ, на которомъ и вся наша литература, а какой-то другой языкъ, на которомъ существуетъ и вся литература и все домашнее обученіе и т. д.; русскій же языкъ будто насильственно исключаетъ употребленіе этого мѣстнаго языка; а между тѣмъ, на дѣлѣ ничего даже

непремѣнно приведетъ не къ тому концу, котораго желаютъ фальсификаторы. Да и откуда такая рѣшимость выступать съ такими увѣреніями за всѣхъ другихъ? И опять, если русскій языкъ, на которомъ дѣти наши говорятъ отъ колыбели, какъ на своемъ истомъ языкѣ, есть языкъ изученный, то почему и какимъ чудомъ предполагаемый какою-то компанією къ сочиненію какой-то другой языкъ вдругъ перестанетъ быть намъ чуждымъ, и будетъ не только изученнымъ, но и нашимъ собственнымъ природнымъ языкомъ?

Нужно ли послѣ того распространяться съ критическимъ разборомъ рекомендуемаго благожелателями двутекстнаго обученія и двутекстныхъ учебниковъ, т. е., проще говоря, съ разборомъ заявленій благожелателей, чтобы впредь дѣти наши учились не на нашемъ русскомъ, а на какомъ-то другомъ языкѣ, который сочинятъ намъ благожелатели, русскій же переводъ только присоединился бы къ свѣдѣнію учащихся? То есть, говоря точнѣе, чтобы учить нашихъ дѣтей не на нашемъ русскомъ языкѣ, который они знаютъ, и на которомъ они говорятъ, а на томъ, котораго они вовсе не знаютъ? Тутъ такой сумбуръ, такое нахальное посмѣяніе надъ самыми элементарными правилами обученія, что намъ остается признать всѣ эти проэктъ для насъ двутекстнаго обученія не только нелѣпостію, но и прямымъ педагогическимъ

близкаго вовсе нѣтъ. Мѣстный языкъ нашъ—русскій; на немъ естественнѣйшимъ образомъ совершается и все наше обученіе не только школьное, но и домашнее; на немъ и вся наша литература; мѣстнаго же языка, какъ языка, мѣстной въ этомъ родѣ литературы вовсе нѣтъ и никогда небыло; существуетъ же только мѣстное просторѣчіе. Дѣлать поэтому объясненія на мѣстномъ просторѣчій было бы нелѣпо, уже и потому, что многія дѣти этого просторѣчія и не знаютъ; притомъ же такими же объясненіями мы только испортимъ правильное употребленіе русскаго языка. Прибѣгать къ просторѣчію было бы полезно только при сравнительномъ языкоученіи.

сумасбродствонъ. Въѣсть съ этою вовсе не потребною для насъ двутекстностію обученія, должны отойти отъ насъ подаьше и всѣ ея суррогаты. Даже объясненія на мѣстномъ просторѣчїи, въ этой сферѣ, составляютъ прямой унсенсъ, потому что объясненія должны быть на томъ языкѣ, который всѣ обучаемые знаютъ, а не на томъ, на которомъ они не говорятъ, и котораго многіе вовсе не знаютъ.

Не распространяемся о тѣхъ достоинствахъ двутекстнаго обученія, которыми въ своемъ воображеніи любуются благожелатели, преимущественно еще въ какомъ-то другомъ, а не въ педагогическомъ отношеніи; потому что это отношеніе намъ не извѣстно. Если подъ нимъ благожелатели разумѣютъ чаемую эпоху изгнанія изъ среды насъ господства нашего культурнаго русскаго языка и водвореніе на мѣсто его разныхъ *кебетій* и *мрій*, то вѣдь это представленіе ни больше, ни меньше какъ бѣдственная дань горячешному состоянію воображенія. А вѣдь извѣстно, что наше время страдаетъ эпидемическою болѣзнію, которую нѣмцы называютъ *Grosswahn*, когда всѣ, и особенно недоучившіеся и усидчиваго труда недолюбливающіе воображаютъ себя великими дѣятелями и несутъ всякій вздоръ, лишь бы разыграть какую-нибудь роль.

Быть можетъ, впрочемъ, нашимъ благожелателямъ трудно раздѣлаться съ пароксизмомъ своего недуга, потому, что успѣли заручиться аппробаціею нѣкоторыхъ, и особенно жидовствующихъ и полякующихъ періодическихъ изданій. Очень жаль; но вѣдь всѣ эти аппробаціи только замѣдляютъ кризисъ въ процессѣ недуга; ни больше, ни меньше; потому что нашего русскаго языка сдѣлать не нашимъ нельзя, а чепуха, изъ какихъ бы газетъ ни шла, остается чепухою.

Нисколько не менѣе нельзя этотъ рекомендуемый благожелателями способъ двутекстнаго обученія и въ примѣненіи къ другой категоріи обучаемыхъ, къ той категоріи, которая хотя вполне понимаетъ простую русскую

рѣчь, но употребляетъ только свое мѣстное южнорусское просторѣчіе. Въ этомъ легко можно убѣдиться, стоитъ только, безъ горячешнаго бреда, хладнокровно и толково взвѣсить составъ и процессъ предлагаемаго въ этомъ бреду состава и процесса обученія.

Дѣло въ томъ, что при обученіи какому бы то ни было предмету, сообщая обучающимся матеріалъ образованія, нужно подвигаться отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, или, лучше, отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, отъ простаго—къ сложному, наблюдая при томъ, чтобы изъ всего преподаваемаго образовалось нѣчто цѣлое.

Каковъ же способъ обученія, рекомендуемый композиторами двуязычностей? Совершенно обратный. Онъ идетъ отъ какаго-то предполагаемаго, несуществующаго и неизвѣстнаго языка къ нашему русскому языку осуществленному, вполне сформировавшемуся и дѣйствительному. Какая же педагогія въ мірѣ можетъ оправдать такой диковинный способъ обученія, заставляющій дѣтей заучивать какія-нибудь произвольныя композиціи какой-то компаніи, творимыя на авось, да еще получать за нее единицы и двойки? Развѣ тутъ есть какое-нибудь твердое содержаніе и орудіе образованія, какой-нибудь методъ обученія?

Мало того; въ этомъ способѣ допускается другая нелѣпность. Пускается въ ходъ притворное увѣреніе, что изученіе этого неизвѣстнаго языка, продолжающееся конечно нѣсколько лѣтъ, будетъ способствовать *легчайшему* усвоенію нашего уже веѣя и въ этой сферѣ понимаемаго русскаго языка. Что это такое? Продолжительнымъ занятіемъ какимъ-то несуществующимъ языкомъ вдругъ творится легчайшее знаніе нашего русскаго языка! Тутъ одно изъ двухъ: или чудо; потому что продолжительное занятіе другимъ языкомъ повело бы только къ полному незнанію и забвенію русскаго языка; или этотъ другой языкъ—тотъ же русскій. А въ послѣднемъ случаѣ о чемъ же и толковать? Въмѣсто переливанія изъ пустаго

въ порожнее, продолжать—учиться и учить нашему дѣйствительному русскому языку,—и дѣлу конецъ.

Еще—не все. Такъ-какъ для огромнаго количества учащихся въ этой сферѣ обученія, послѣ 2—4-хъ лѣтъ, обученіе обыкновенно прекращается, то оно какъ-бы умышленно оставляется только съ этимъ не опредѣленнымъ, фантастическимъ языкомъ; и это называется лучшимъ средствомъ къ *легчайшему* усвоенію русскаго языка. Будемъ откровеннѣе; не это ли оставленіе въ сторонѣ и забвеніе нашего русскаго дѣйствительнаго языка собственно и имѣется въ виду, подъ предлогомъ средства къ легчайшему его усвоенію? Такъ бы и говорили; было бы, по крайней мѣрѣ чище.

Далѣе, языкъ, на которомъ должно итти обученіе, уже задолго долженъ имѣть значеніе дѣйствительно-общаго для всего множества пунктовъ обученія и образованнаго употребленія. Что же творится въ пресловутомъ способѣ фантастическаго двутекстнаго обученія? Этотъ какой-то никому неизвѣстный языкъ только предлагаетъ (помѣхъ, говорятъ, не будетъ. То-то, что будутъ, да въ добавокъ рѣшительно неодолимыя) сочинять какая-то компанія, какъ общій для всего нашего юга и югозапада; а между тѣмъ, даже теперь, только при нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ о замыслахъ благожелателей, уже съ разныхъ сторонъ раздаются заявленія объ отпорѣ, и самое правописаніе, выдуманное благожелателями, просто называютъ *безтолковымъ*.

Наконецъ, кто же можетъ и кто рѣшится приписать себѣ, съ одной стороны, право и полномочіе на прекращеніе исторически и долговременною практикою выросшаго общаго значенія нашего русскаго языка, а съ другой—на введеніе обязательности для всѣхъ пунктовъ обученія, этого кѣмъ-то сочиняемаго общаго языка? Въдѣвишняя обязательность въ подобномъ дѣлѣ не сразу и не по прихоти дается; она бываетъ только необходимымъ результатомъ и выраженіемъ долговременно-развивавшагося внутренняго общаго значенія языка, его, если

можно такъ сказать, внутренней обязательности. Но наши благожелатели не могутъ и думать объ обязательности въ нашей средѣ сочиняемаго ими языка и фантазій двутекстнаго обученія. Потому что кто же съ здравымъ взглядомъ на вещи, можетъ дѣлать общеобязательнымъ обученіе на какомъ-то другомъ, чуждомъ намъ языкѣ, сочиняемомъ какою-то компаніею, принося ему въ жертву нашъ русскій языкъ? Стоить только серьёзно вдуматься въ кажущееся такъ легкимъ для воображенія и оно окажется просто самымъ противоестественнымъ абсурдомъ на дѣлѣ.

Но если, въ заключеніе, примемъ еще во вниманіе, что этотъ двутекстный способъ обученія, въ сущности, направленъ только къ тому, чтобы однихъ (рано прекращающихъ ученіе) совсѣмъ отвлечь отъ нашего русскаго языка, а у другихъ (продолжающихъ это ученіе) ослабить и перепутать знаніе его, то нелѣпость этой двутекстности для насъ будетъ ясна, какъ день Божій.

Не распространяемся о той антикультурной языковой путаницѣ, неразрывной потомъ съ хаосомъ въ составѣ и процессѣ образованія, которая неминуемо должна бы возникнуть отъ этой ненужной намъ двутекстности обученія, на протяженіи нашего юга и особенно, на нашихъ западныхъ и югозападныхъ окраинахъ, и вызвала бы только всеобщій ропотъ.

Въ сравненіи съ этимъ нелѣпымъ во всѣхъ отношеніяхъ двутекстнымъ обученіемъ, обученіе, установившееся и въ силу нашей многовѣковой исторіи и долговременной практики, нельзя не признать самымъ естественнымъ и плодотворнымъ. Къ такому заключенію нельзя не притти; разсматривая его какъ со стороны его орудія и содержанія, такъ и со стороны самаго способа или метода. Можно его разрабатывать въ подробностяхъ; но сущность его должна остаться неизмѣнною, не стѣсная ничьихъ личныхъ вкусовъ, въ своей личной сферѣ.

Мы уже знаемъ, что общимъ орудіемъ нашего образованія, на всѣхъ его инстанціяхъ, служить нашъ общій

языкъ русский. Общее значеніе какого-бы то ни было языка, по отношенію къ различнымъ нарѣчіямъ, поднарѣчіямъ и говорамъ, часто основывается не на одномъ ихъ сродствѣ, но и на множествѣ другихъ обстоятельствъ. А центральная сила нашего русскаго языка долго выростала именно изъ такого множества обстоятельствъ нашей исторической жизни, что не могла не получить среди насъ общаго, объективнаго значенія. Въ особенности, наше объективное языковое единство, очень непріятное нѣкоторымъ изъ нашихъ сосѣдей, скрѣпилось у насъ единствомъ богослужебнаго церковнославянскаго языка. И не смотря на различіе нарѣчій и говоровъ, мы не знаемъ, чтобы въ нашей исторіи когда-нибудь выражались сознание и потребность языковаго двойства. Мысль объ этомъ единствѣ коренится, поэтому, и въ самомъ сознаніи народа. Какъ-бы ни было непріятно нашимъ благожелателямъ, но это фактъ широкій и неоспоримый, что у насъ всегда и вездѣ народъ заявлялъ и будетъ единогласно заявлять желаніе—учиться на общемъ нашемъ образованномъ русскомъ языкѣ, съ присоединеніемъ, конечно, и церковнославянской грамоты. Можно даже прибавить, что народъ даже подсмѣивается иногда надъ украинофильскими книжонками, считая ихъ ребяческими, а ребячество въ такихъ книжонкахъ дѣйствительно бываетъ не мало. Какой же способъ обученія въ разсматриваемой нами сферѣ, при ненарушимости и неизблѣмости нашего языковаго единства въ сферѣ обученія и образованія, представляется и самымъ естественнымъ и вполне соответственнымъ этому, очень важному для насъ единству?

Въ обученіи мы должны подвигаться отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному. Что же здѣсь, въ началѣ обученія болѣе и менѣе понятно начинающему учиться? Конечно въ простомъ деревенскомъ быту, дѣтямъ деревенскаго люда мѣстное просторѣчіе уже извѣстно какъ готовое и данное безъ всякаго предварительнаго систематическаго обученія; книжная же русская рѣчь, если не

всегда, то покрайней мѣрѣ большею частію ему менѣе понятна (1). Выводъ теперь понятенъ. Хотя часто можно начинать обученіе и въ деревенскомъ быту прямо съ книжной русской рѣчи (2), но для соблюденія послѣдовательности, мы должны пользоваться просторѣчіемъ, какъ средствомъ, чтобы помощію его достигнуть цѣли, т. е., пониманія книжной русской рѣчи.

Какимъ же образомъ? Отвѣтимъ сперва отрицательно — т. е., какой способъ вовсе неумѣстенъ, а потомъ положительно, т. е., какъ именно можно и должно пользоваться просторѣчіемъ для перехода къ книжной русской рѣчи?

Не слѣдуетъ думать, будто подъ употребленіемъ мѣстнаго просторѣчія для подхода къ книжной русской рѣчи, разумѣется предварительное, сплошное и продолжительное обученіе на мѣстномъ просторѣчій. Оно вовсе неумѣстно, потому что прямо противорѣчило бы самой цѣли нашего обученія; оно не подводило бы прямо къ книжной русской рѣчи не производило бы постепеннаго метаморфоза одной рѣчи въ другую, но только противопоставляло бы одинъ періодъ обученія — другому, и ученикъ, рано оставляющій школу, остался бы ни при чемъ.

Но въ немъ и нѣтъ никакой нужды; потому что мальчикъ поступившій въ школу, уже имѣетъ нужный запасъ представленій съ обозначающими ихъ словами просторѣчія, отъ котораго и начнется въ школѣ сразу переходъ,

(1) Говоря это, мы разумѣемъ только деревенскія школы и при томъ въ *нѣкоторыхъ* полосахъ нашего юга; потому что во множествѣ другихъ элементарныхъ школъ, объясненія на мѣстномъ просторѣчій, были бы нелѣпностію и вызвали бы только насмѣшки со стороны учениковъ.

(2) Есть огромныя территор. полосы, гдѣ народонаселеніе говоритъ на языкѣ среднемъ или смѣшенномъ, а иногда и просто на чистомъ русскомъ языкѣ. Конечно въ такихъ мѣстностяхъ объясненія и могутъ, и должны быть прямо на русскомъ языкѣ съ самаго начала ученія.

или, лучше сказать, самый простой, легкий и естественный метаморфозъ одной рѣчи, т. е., простой въ книжную и образованную.

Наконецъ, это сплошное и продолжительное первоначальное обученіе на мѣстномъ просторѣчии, собственно, и невозможно; потому что вовсе нельзя, да и было бы нелѣпо, на каждомъ мѣстномъ просторѣчии созидать особую педагогическую, образовательную литературу: вездѣ и всегда она должна быть на одномъ своемъ образованномъ книжномъ языкѣ.

Итакъ, мы должны пользоваться мѣстнымъ просторѣчiemъ сразу для перехода къ книжной рѣчи. Средствомъ для этого перехода будетъ служить очень простой приемъ; это—послѣдовательное чтеніе въ часы уроковъ какихъ-нибудь самыхъ краткихъ (на первыхъ порахъ) и самыхъ простыхъ, по содержанию и складу книжной русской рѣчи, статей; за тѣмъ объясненіе ихъ или того, что въ нихъ есть не совсемъ понятнаго, на мѣстномъ просторѣчии; наконецъ, вторичное прочтеніе книжной статьи уже какъ понятой и усвоенной. Тутъ первымъ прочтеніемъ книжной рѣчи ставится цѣль, а объясненіемъ ея на просторѣчии дѣлается каждый разъ переходъ его въ книжную рѣчь, которая за тѣмъ и усваивается.

Мы сказали, что, при этомъ приемѣ первоначальнаго обученія, дѣлается объясненіе книжной рѣчи; но мы не употребляемъ слова—«переводъ»; потому что переводъ тутъ въ собственномъ смыслѣ и не существуетъ. Переводъ бываетъ только тамъ, гдѣ слова одного языка во все несходны со словами языка другаго. Между тѣмъ, при ознакомленіи деревенскаго мальчика съ текстомъ простой книжной русской рѣчи, особенно когда мы будемъ брать для прочтенія краткіе афоризмы изъ вѣрученія или священной исторіи, множество словъ будетъ совершенно тождественныхъ, или сходныхъ по корнямъ, или извѣстныхъ уже и по употребленію ихъ въ мѣстномъ просторѣчии. Потому-то при этомъ ознакомленіи съ книж-

ною русскою рѣчью именно долженъ имѣть мѣсто не механической переводъ, возможный только въ то время, когда мы имѣемъ дѣло съ языкомъ иностраннымъ, а объяснительный приемъ, объясненіе словъ—вербальное и реальное. Какъ естественное въ нашей сферѣ обученія, оно и будетъ вдвойнѣ и въ высшей степени полезно. Само собою разумѣется, что нуженъ послѣдовательный порядокъ въ выборѣ самыхъ простыхъ и самыхъ краткихъ (въ нѣсколько строкъ) статей для чтенія, и приспособленность ихъ къ деревенскому быту и къ разнымъ отраслямъ сельскохозяйственнаго труда. Въ этомъ отношеніи въ нашей мѣстной педагогической литературѣ существуетъ еще пробѣлъ, и полезно было бы обратить на него вниманіе.

Такой способъ обученія оудеть вполне рациональнымъ; потому что въ немъ будетъ именно переходъ отъ извѣстнаго и понятнаго, какъ фактически уже даннаго, къ менѣе понятному (а не это чудовищное начинаніе съ какого-то кѣмъ-то сочиняемаго и вовсе никому ненужнаго языка); въ немъ будетъ именно тоже самое, живое, органическое перетвореніе нашего просторѣчія, какъ даннаго матеріала, въ нашу же прекрасную, образованную русскую рѣчь, въ мнѣяторѣ, въ развитіи каждаго ученика, какое было въ грандіозныхъ размѣрахъ общаго образованія нашего русскаго языка изъ разныхъ нарѣчій; наконецъ, въ немъ, въ этомъ крошечномъ мнѣяторѣ, какъ въ каплѣ море, будетъ выражаться и единство нашей исторіи и нашей жизни.

Важное—естественное и рациональное достоинство вышеупомянутаго обученія будетъ еще и то, что въ каждомъ моментѣ его продолженія и хода будетъ совершаться этотъ органической метаморфозъ, это перетвореніе просторѣчія въ образованную книжную рѣчь, а не мертвое, механическое противопоставленіе одного другому; и за тѣмъ, въ каждомъ моментѣ его прекращенія, онъ сообщитъ учащемуся извѣстный и возможный для него удѣлъ знанія книжной русской рѣчи. Въ общемъ резуль-

татѣ этого обученія, которое можетъ длиться нѣсколько мѣсяцевъ, ученикъ, приступая къ изученію самыхъ предметовъ или элементарныхъ наукъ по учебникамъ, не имѣетъ уже никакой нужды въ объясненіяхъ на мѣстномъ просторѣчій: онъ будетъ понимать свою книжную русскую рѣчь также, какъ и ученикъ какой угодно русской территоріи; потому что книжная русская рѣчь есть только прекрасный плодъ выросшій, въ значительной части, изъ матеріала церковнославянской и малорусской рѣчи. Ученикъ будетъ уже понимать книжную русскую рѣчь, вовсе не нуждаясь въ объясненіяхъ на просторѣчій потому, что въ системѣ предъидущихъ объясненій, во первыхъ, каждая пояснительная изустаная рѣчь на мѣстномъ просторѣчій, если она была нужна для прочитаннаго текста книжной рѣчи, каждый разъ, исполнивши свое дѣло, сходила со сцены и уступала мѣсто каждому впечатлѣнію книжной рѣчи; а потому, и цѣлый рядъ статей книжной русской рѣчи, воспринятыхъ и зрѣніемъ и слухомъ, безпрепятственно смыкался въ одно цѣлое, и незыблемо упрочивался въ сознаніи и памяти ученика; потому что его не парализовали неподвижныя впечатлѣнія какого-то другаго, вовсе никому не нужнаго, неподвижнаго текста въ книгѣ.

Возвращаясь, въ заключеніе, еще разъ къ рекомендуемому благожелателями способу двутекстаго обученія, не можемъ не повторить, что и съ педагогической точки зрѣнія, онъ полонъ нелѣпостей. Одинъ изъ благожелателей ссылался даже на Дистервега, что онъ одобряетъ такое двутекстное обученіе; но эта ссылка на Дистервега ни къ чему негодна; потому что и Дистервегъ, и никакой въ мірѣ здравомыслящій педагогъ не станетъ одобрять нелѣпаго способа обученія дѣтей, говорящихъ на своемъ русскомъ языкѣ отъ колыбели, на какомъ то кѣмъ-то сочиняемомъ самозванномъ языкѣ; не можетъ педагогъ одобрить и обученія на несуществующемъ языкѣ и той части народонаселенія, которая не только вообще говоря, вполне понимаетъ простую русскую рѣчь, но на половину даже говорить языкомъ смѣшаннымъ, или почти тожде-

ственнымъ съ книжнымъ языкомъ русскимъ. Только для нѣкоторой доли этой части народонаселенія педагогъ можетъ одобрить подходъ къ чистой русской рѣчи отъ мѣстнаго южнорусскаго просторѣчія; но никто же этого вспомогательнаго средства не отвергаетъ; никто не воспрещаетъ и читать, если кому это нравится, какія-нибудь вспомогательныя полезныя произведенія на мѣстномъ просторѣчьи. Но если уже намъ хочется имѣть тутъ посредниковъ, то можно привести слова опытнаго педагога Верналекена (Theodor Uernaleken). Der Lehrer, говоритъ онъ, möge den Tadel aber ja nicht in der Mundart aussprechen. So lange Lehrer und Kinder in der Schulstube sind, befinden sie sich im Bereiche der Schriftsprache. Dass der Lehrer mit den Kindern der Fibel- (Elementar-) Klasse in den ersten Wochen in der Mundart verkehrt, hat manches für sich. Nachher hört das auf.... (1). Вотъ простой и здравый взглядъ на дѣло.

Прибавить еще нужно, что рекомендуемый способъ обученія насквозь проникнуть фальшью; потому что вмѣсто *легчайшаго усвоенія* учащимся русской рѣчи, имѣетъ собственно въ виду удаленіе отъ нея и долговременную остановку на какомъ-то другомъ неизвѣстномъ и ненужномъ намъ языкѣ. Просто; вдумываясь въ этотъ рекомендуемый благожелателями способъ обученія, нельзя не видѣть, что имъ собственно хотѣлось бы какъ-нибудь выдвинуть на страницы учебниковъ текстъ новосочиняемаго ими якобы языка, и такимъ образомъ, создать своему жаргону почеть параллельнаго нашему русскому языку положенія и значенія. Но это—абсурдъ; если кому этотъ якобы языкъ нравится, пусть занимается себѣ отдѣльно. А гораздо лучше было бы, если бы мы, вмѣсто того, чтобы

(1) Theod. Uernaleken, Hiltzbuch, стр. 14, 15. Со стороны общей по нашему вопросу, полезно прочесть: Geschichte der deutschen Sprache v. Jacob Grimm. Lpz., 1868, 11 Bd., стр. 574, 5; 578—9, 580—5 и особенно главу: deutsche Dialecte. Подробный разборъ ненужнаго намъ двутекстнаго способа обученія мы желали бы сдѣлать особо.

терять трудъ и время на такое безплодное занятіе, и существенно полезно было бы, впервыхъ, хорошее обученіе церковно-славянской грамотѣ, вовторыхъ, составленіе христоматій, въ которыхъ на упрощенномъ русскомъ языкѣ излагались бы самыя краткія, но систематическія свѣдѣнія о веденіи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, — хлѣбопашества, скотоводства и т. д. и умѣляя наставленія о необходимости ровнаго труда, воздержности и бережливости, необходимыхъ для благосостоянія и для самозащиты отъ еврейской эксплуатаціи; безъ навыка къ труду и безъ труда и самозащита невозможна. Подобныя чтенія и наставленія были бы существенно полезны; такъ-какъ глубокой недугъ нашего времени, какъ мы сказали, это — общая страсть людей, едва получившихъ кой-какія свѣдѣнія, къ пустѣйшему фразированію и верхоглядству, при сильнѣйшей неспособности къ исполненію своего прямаго долга и къ усидчивому, ровному и скромному труду. Подобныя чтенія и наставленія были бы какъ-бы примѣненіемъ грамотности къ дѣлу, такъ-какъ грамотность, сама по себѣ, есть только форма, или общее орудіе, требующіе еще соотвѣтственнаго содержанія и какого-нибудь спеціальнаго примѣненія къ избранному въ жизни опредѣленному труду.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Р Ъ Ч Ъ

къ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ ученія въ Волынской духовной Семинаріи въ 1881-мъ году.

Мы переступаемъ порогъ школы и, казалось бы, должны торжествовать всѣми силами души, что выходимъ на широкую сцену жизни и что для насъ теперь открывается вполне свободный и самостоятельный выборъ жизненнаго направленія. —

Но окончаніе нами Семинарскаго курса далеко еще не есть конечная точка нашего развитія. То образованіе, которое дала намъ Семинарія довольно разширило нашъ умственный кругозоръ, разомкнуло все наши душевныя силы и способности и дало имъ гармоническое развитіе и цѣлесообразное направленіе. Семинарское образованіе есть та перестройка, на которой неизбежно должно построиться наше дальнѣйшее самостоятельное развитіе, есть то коренное начало, которое подготовило насъ къ общественной дѣятельности. Но такъ какъ курсъ Семинарскаго образованія имѣетъ для жизни только подготовительное значеніе, то ясно, что непремѣнная обязанность каждаго изъ насъ впоследствии развить себя въ возможно высочайшей степени. Объемъ и кругъ наукъ такъ широкъ, что умственныя силы человѣка никогда не могутъ изучить ихъ въ совершенствѣ. Поэтому мы, добрые товарищи, всю свою жизнь должны посвятить на самоусовершенствованіе себя, помня, что какъ бы ни былъ высокъ нашъ умственный уровень, онъ не есть послѣдняя граница нашего развитія. «Вѣкъ живи и вѣкъ учи» разумно говорили древніе. И эта поговорка весьма знаменательна; въ ней кратко и сжато выражено отношеніе между человѣческимъ умомъ и широкимъ предметомъ его познанія. Такое постоянное развитіе человѣка вполне естественно. Вся природа подчинена законамъ развитія, а человѣкъ есть только звѣно въ цѣпи ея существъ. Поэтому крайне не цѣлесообразно было бы, если бы только одинъ человѣкъ оставался внѣ развитія высшей его стороны—умственной. Мы видимъ, что нѣтъ ничего въ природѣ такого, въ чемъ бы видѣть былъ мертвенный застой. Вся міровая жизнь есть, такъ сказать, колоссальное «perpetuum mobile». Куда ни взглянешь вездѣ перемѣны, движеніе впередъ; нигдѣ не найдешь застывшихъ формъ бытія—всюду жизнь. Если же въ сферѣ конечнаго бытія все улучшается, все идетъ впередъ, то что сказать о нашемъ духѣ, который предназначенъ къ безконечной личной жизни и безконечному развитію. Помимо высокаго

назначенія челоуѣка насъ вудитъ къ постоянному самоу-
совершенствованію и самое внутреннее его значеніе и
сила. Развитой умъ облагораживаетъ всеѣ наши душев-
ныя движенія, придаетъ чуткость и отзывчивость нашему
сердцу, сообщаетъ гибкость, точность и отчетливость
нашей мыслительной дѣятельности, даетъ широту и яс-
ность всему нашему міровоззрѣнію, просвѣтляетъ нашъ
взглядъ на жизнь и служитъ основою всеѣхъ нашихъ
дѣйствій. Умъ самый могучій дѣятель въ обще-челоуѣ-
ческомъ развитіи, дѣятель, который привелъ челоуѣчество
къ современному его состоянію. Поэтому развитіе ума дол-
жно быть для насъ священнѣйшею обязанностію. Стремись
впередъ — должно стать постояннымъ девизомъ нашей
жизни и сдѣлаться первымъ руководящимъ принципомъ
нашей дѣятельности. Одно только необходимо при посту-
пательномъ нашемъ движеніи впередъ—это то, чтобы оно
не измѣняло никогда доброму направленію. Стремиться
впередъ можно и съ мелочною цѣлью, чтобы только при-
обрѣсти виѣшній лоскъ образованія, но не такова должна
быть цѣль истиннаго прогрессивнаго движенія. Наше
дальнѣйшее развитіе должно служить общественной поль-
зѣ, такъ какъ мы становимся непосредственными чле-
нами самого общества. Поэтому плоды нашей дѣятель-
ности необходимо должны принадлежать всему обще-
ству.—

Помни, кто ты—второе руководящее начало въ жизне-
дѣятельности челоуѣка. Оно поставляетъ его въ правиль-
ное отношеніе къ религіи, власти и людямъ. Прискор-
бенъ въ наше время тотъ фактъ, что большинство счи-
таетъ религію несколько не помогающею и даже вред-
ною для челоуѣческаго развитія. Но насколько это вѣрно,
можно видѣть изъ историческаго хода челоуѣческой жиз-
ни. Несомнѣнный историческій фактъ, что всеѣ эпохи про-
ивѣтанія государствъ неразрывно связаны съ благосто-
яніемъ религіи. И наоборотъ. Всеѣ темныя эпохи, эпохи ум-
ственного невѣжества были прямымъ результатомъ паденія
религіи. Съ паденіемъ религіи ослаблялись всякія госу-

дарственные узы и наступало гибельное безначаліе; въ народѣ гасла всякая искра чувства гуманности и мѣсто нравственной силы занимала не рѣдко грубая физическая; уничтожалась культура и на мѣстѣ нѣкогда славныхъ городовъ оставались однѣ развалины. Греція, Римъ, времена рыцарства, кровавыя революціи Франціи служатъ неопровержимымъ подтвержденіемъ этого историческаго факта. — Ясно, что религія великая сила въ развитіи человѣчества, есть его могучій двигатель. Самая высшая образованность есть дочь религіи, говоритъ Лютардъ въ своей апологетикѣ и исторія вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Тоже подтверждаетъ и сама по себѣ религія при сопоставленіи ея съ философійю человѣчества. Есть много жизненныхъ вопросовъ, составляющихъ фундаментъ человѣческаго знанія и жизне-дѣятельности, которые не могутъ рѣшиться ни добытыя наукой знанія, ни самой могучій геній человѣка. Таковы всѣ насущные вопросы философіи о Богѣ, о сущности бытія, о человѣкѣ. Всѣ они носятъ въ своемъ рѣшеніи неизгладимую субъективную окраску. Сколько существуетъ философскихъ системъ, столько же и рѣшеній. А такая подлежательность можетъ ли служить достаточнымъ ручательствомъ ихъ правильнаго разъясненія и рѣшенія. — Одна только религія рѣшаетъ эти вопросы вполнѣ ясно и обстоятельно. Такова же неотразимая сила религіи и въ практической дѣятельности человѣка. Она указываетъ ему высшую цѣль его бытія, указываетъ совершеннѣйшія средства къ достиженію этой цѣли, сдерживаетъ разгулъ его страстей, регулируетъ всѣ высшія стремленія его духа, сообщаетъ ему добрые навыки, даетъ прочное направленіе его воли — словомъ ведетъ его по пути высшаго совершенства. — Неизмѣримо значеніе религіи въ государственномъ политическомъ строѣ. Стоитъ сравнить характеръ времени до и послѣ христіанской эры, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько св. вѣра наша возвысила строй жизни общественной. — Прежде господствовали деспотизмъ въ отношеніи однихъ къ другимъ, право

сильнаго было обычнымъ нормальнымъ явленіемъ; въ настоящей же вѣкъ подобное явленіе вызвало бы отвращеніе къ себѣ, возмутило бы до глубины души всякаго честнаго человѣка. Подъ вліяніемъ новыхъ религіозныхъ идей, подъ вліяніемъ новаго нравственнаго ученія грубость нравовъ, насилие и всѣ другія нравственныя безобразія мало по малу прекращаются, жизнь и чувство человѣка отрезвляется, устанавливается новый лучший взглядъ его на жизнь. Поэтому, развивая религіозное сознаніе, мы будемъ помнить о Богѣ, Который управляетъ судьбами человѣчества, поставимъ себя въ правильное отношеніе къ власти, которою держится политическій и общественный порядокъ, наконецъ, разовьемъ свое самосознаніе которое укажетъ намъ надлежащую сферу дѣйствованія и надлежащее социальное отношеніе къ другимъ людямъ. —

И такъ выйдемъ на поле дѣятельности съ свѣжими силами и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, спокойно и ровно свершая кругъ своего бытія. Станемъ смѣло лицомъ къ лицу въ борьбѣ съ жизненными невзгодами, которыя несомнѣнно встрѣтятся на жизненномъ пути. Многимъ, можетъ быть, не придется занять видное мѣсто въ великомъ нашемъ обществѣ, но это не должно ослаблять нашей энергіи. Трудитесь на общую пользу каждый долженъ сообразно съ своими силами и способностями. Вѣдь и изъ самыхъ незначительныхъ частей составляется великое цѣлое. Тѣмъ болѣе наша дѣятельность должна быть стойка и энергична, что мы, благодаря нашимъ дорогимъ начальникамъ и наставникамъ, уже получили добрые задатки, которые должны развить въ будущемъ во всей полнотѣ и широтѣ. Жизнь честная, добрая, разумная будетъ самымъ лучшимъ выраженіемъ нашей любви къ нимъ и серьезнаго сознательнаго отношенія къ трудному дѣлу нашего воспитанія и обученія. — И какъ будетъ хорошо, если пройдутъ годы — мы оглянемся назадъ и не увидимъ въ своей жизни темнаго пятна, которое бы бросало тѣнь на наше прошлое. Съ отраднымъ сознаніемъ законности на-

шей дѣятельности мы ровно и спокойно свершимъ наше назначеніе и достигнемъ цѣли. — Дайте же, дорогіе товарищи, въ близкій часъ разлуки сердечное задушевное обѣщаніе, что наша жизнь и дѣятельность будетъ вѣрною службою Богу, Царю и отечеству. Надежда наша — съ честію пройти свое общественное поприще тѣмъ болѣе должна расти и крѣпнуть, что у насъ есть сильный противобѣсъ всѣмъ тѣмъ случаямъ на жизненномъ пути, которые бы выѣдрали въ нашу душу дурныя склонности и тѣмъ тормозили великое дѣло нашего служенія. Я говорю про тѣ мудрыя и глубокопрочувствованныя внушенія нашего дорогаго Архипастыря, которыя мы успѣли воспринять въ послѣдніе два года своего обученія и воспитанія. Неуклонное постоянное слѣдованіе этимъ святительскимъ совѣтамъ да будетъ нашимъ непремѣннымъ долгомъ; вѣдь въ нихъ вѣрный залогъ полезности нашего общественнаго служенія. Въ знакъ глубокой благодарности и признательности къ мудрому Архипастырю жизнь наша да будетъ всегда сообразна съ той нормою, котсрую снѣ, любвеобильный нашъ отецъ, успѣлъ уже ярко намѣтить въ свое короткое святительство на Волыни. —

Вл. Палецкій.

Лѣтопись текущихъ событій.

Административныя перемѣны.

Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи *Исаковъ*, согласно прошенію его, уволенъ отъ настоящей должности, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта, и съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта и въ генеральномъ штабѣ, и съ дозволеніемъ воспользоваться отпускомъ, для леченія, въ Россію и за границу, на вакантное въ семь году въ государственномъ совѣтѣ время и сверхъ того еще на два мѣсяца.

Назначенъ, по генеральному штабу, помощникъ начальника главнаго штаба, генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ *Ма-*

жотинг—главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ.

— *По объединенію учебныхъ заведеній.*—«Новое Время» сообщаетъ о передачѣ военныхъ гимназій въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія съ преобразованіями ихъ въ реальныя училища.

— *Проекты земскихъ экспертовъ.*—Со словъ „Agence Russe“ было сообщено, что особое совѣщаніе съ земскими экспертами по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей представило правительству два проекта. По свѣдѣніямъ, полученнымъ «Новымъ Временемъ», оказывается, что правительство имѣетъ теперь передъ собой четыре мнѣнія, высказанныя земскими экспертами по этому вопросу. Къ одному изъ этихъ мнѣній присоединилось большинство, съ Д. Ѳ. Самаринымъ во главѣ. Выразителемъ мнѣнія меньшинства явился Д. А. Наумовъ, предѣдатель московской губернской земской управы; къ нему присоединились гг. Аленинъ, Горчаковъ и Шатиловъ. Наконецъ З. А. Бекарюковъ и князь А. И. Васильчиковъ представили каждый особое мнѣніе.

— *Общество улучшенія народнаго труда.*—Со времени появленія первыхъ извѣстій о новомъ Обществѣ улучшенія народнаго труда въ память Царя Освободителя Александра II, нѣсколько лицъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи выразили желаніе записаться въ дѣйствительные члены Общества съ единовременнымъ взносомъ въ 1.000 руб. Другія—предложили къ услугамъ Общества недвижимыя имущества на весьма значительныя суммы. Въ одной изъ четырехъ уступленныхъ г-жей Магѣевой усадебъ въ Курской губерніи для цѣлей Общества, г-жа Магѣева предполагаетъ устроить женскій домъ трудолюбія съ хозяйственными заведеніями на средства особаго учреждаемаго ею Общества, подъ названіемъ «Убѣжище», съ тѣмъ чтобы послѣднее вошло въ составъ Общества улучшенія народнаго труда, въ качествѣ особаго его отдѣла. Три другія усадьбы и площадь въ 100 десятинъ земли со всѣми угодьями, какъ-

то: пашнею, сѣнокосомъ и дровяными дачами, должны служить для устройства прежде всего школы, подготовляющей учителей для предполагаемыхъ Обществомъ улучшенія народнаго труда низшихъ земледѣльческихъ школъ, учебныхъ мастерскихъ, и т. д. Г. Войцеховичъ принимаетъ на себя устройство въ своемъ имѣннѣ (Бурской губерніи, Тимскаго уѣзда, близъ Никольской станціи Кур.-Хар. ж. дороги) каменнаго помѣщенія для проектированной Обществомъ нижней земледѣльческой школы, снабженіе этой школы всѣми учебными пособіями и содержаніе ея, независимо отъ жертвуемаго имъ же для практическихъ занятій школы потребнаго участка земли. Изъ другихъ поступившихъ къ учредителямъ заявленій особенное вниманіе обращаетъ на себя записка крестьянъ Владимірской губерніи и уѣзда, Богословской волости, которые даже прислали въ Петербургъ своего уполномоченнаго просить содѣйствія учредителей Общества улучшенія народнаго труда къ открытію въ ихъ волости при упраздненномъ Волосовѣ-Николаевскомъ монастырѣ (гдѣ сохранились всѣ зданія съ различными угодьями) такой школы для крестьянскихъ дѣтей, въ которой кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, преподавались бы практическія знанія, необходимыя въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Въ заявленіи своемъ по этому предмету крестьяне намѣтили четыре отдѣла сельско-хозяйственныхъ знаній: полеводство, луговоеводство, лѣсоводство и скотоводство. Указывая на источники для содержанія этой школы, крестьяне выражаютъ желаніе, чтобы при ней былъ учрежденъ пріютъ для крестьянскихъ сиротъ, съ цѣлью избавленія ихъ отъ нищенства и бродяжничества. Намѣчается и продолжительность школьнаго курса въ шесть лѣтъ, чтобы, какъ сказано въ запискѣ, «довести учениковъ до спеціальнаго знанія указанныхъ ремеселъ». Стародубское (Черниговской губерніи) дворянское собраніе ассигновало тысячу рублей на первоначальное обзаведеніе нижней земледѣльческой школы въ одной изъ мѣстностей Стародубскаго уѣзда. Кронштадтское Андреевское попечительство предлагаетъ открыть при немъ отдѣлъ Общества улучшенія народнаго труда, въ виду значенія Кронштадта, какъ главнаго коммерческаго порта и средоточія морскихъ военныхъ силъ. Всѣ эти и многія другія полученныя заявленія со-

проводятся выраженіемъ самаго горячаго сочувствія къ задачамъ новаго Общества и предложеніями какъ денежныхъ средствъ, такъ и личныхъ услугъ. («Русь»).

— *Общество бережливости.*— Морское министерство устраиваетъ общество бережливости. Задача новаго общества дать возможность служащимъ въ морскомъ министерствѣ пріобрѣтать всѣ предметы первой необходимости по возможно дешевымъ цѣнамъ. Продуктами склада будутъ пользоваться исключительно лица, принадлежащія къ морскому вѣдомству и поступившія членами общества бережливости. Продукты, въ случаѣ большихъ требованій, будутъ доставляться на дома. Цѣны предложено назначить на продукты весьма умѣренныя.

— *По устройству пенсіонныхъ кассъ для рабочихъ.*— 30 іюня, депутація отъ комитета Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ представлялась министру финансовъ, съ привѣтствіемъ отъ имени Общества; вмѣстѣ съ тѣмъ, депутаты представили проектъ положенія объ учрежденіи государственной пенсіонной кассы для рабочихъ, а также кассы страхования рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Министръ отнесся весьма сочувственно къ этому предложенію, которое будетъ рассмотрѣно особою комиссіей, съ участіемъ делегатовъ отъ комитета общества содѣйствія. Въ «Голосѣ» передаютъ, что и графъ Н. П. Игнатьевъ, которому предсѣдатель общества представилъ это предложеніе въ особомъ докладѣ, тоже весьма благосклонно отнесся къ этой мысли. На дняхъ фабриканты и заводчики высказали желаніе видѣть осуществленіе этого учрежденія въ самомъ скоромъ времени.

— *Коммиссія по еврейскому вопросу.*— «Новости» передаютъ, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра, для обсужденія вопроса объ урегулированіи отношеній еврейскаго населенія въ Россіи къ русскому. Въ настоящее время производятся пригособительныя работы по составленію доклада о современномъ положеніи еврейскаго населенія въ Россіи. Этой же комиссіей

будетъ разсмотрѣна записка по еврейскому вопросу, составленная г. Марголисомъ, по порученію барона Гинцбурга.

— *Запросъ земскимъ собраніямъ о расселеніи евреевъ.*— «Въ Моск. Телегр.» пишутъ, что, въ виду состоявшагося постановленія черниговскаго земства ходатайствовать предъ правительствомъ о доставленіи евреямъ права расселяться по всей Россіи, министерство внутреннихъ дѣлъ намѣрено сдѣлать по этому поводу запросъ всѣмъ земствамъ, съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе относительно того, не въ состояніи ли такое расширеніе правъ евреевъ отозваться неблагоприятно на благосостояніи населенія. Во всякомъ случаѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ убѣждено, что въ настоящее время, когда народныя страсти возбуждены противъ евреевъ, примѣненіе означенныхъ мѣръ было бы неудобнымъ и могло бы осуществиться только въ болѣе благоприятную пору.

— *Монаршее милосердіе.*—Содержащаяся въ с.-петербургской крѣпости, лишенная всѣхъ правъ состоянія, Гельфманъ въ послѣднихъ числахъ минувшаго іюня обратилась къ Монаршему милосердію, ходатайствуя о смягченіи состоявшагося о ней въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената приговора, коимъ она, Гельфманъ, за участіе въ злодѣяніи 1-го марта присуждена къ смертной казни.

Означенное ходатайство было повергаемо на Всемилоствѣишее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, и Государь Императоръ, во 2-й день сего іюля, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: Даровать Гельфманъ жизнь, замѣнивъ назначенное ей правительствующимъ сенатомъ наказаніе ссылкой въ каторжныя работы безъ срока.

— *По поводу сгъздовъ латинскихъ ксендзовъ.*—Образецъ галиційскихъ порядковъ. Въ львовской газетѣ «Слово» о. Наумовичъ рассказываетъ интересный случай, характеризующій пресловутый австрійскій федерализмъ, съ его мнимой равноправностью всѣхъ національностей. Въ с. Романовкѣ, тернопольскаго повѣта, живетъ 70-лѣтній старикъ Гринько Дѣдухъ, самоучка-

костоправъ, совершенно глухой. Этотъ старикъ въ мартѣ мѣсяцѣ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы видѣть погребеніе покойнаго Государя Императора. Такое намѣреніе г. Наумовичъ объясняетъ тѣмъ, что катастрофа 1 марта вообще вызвала въ Галиціи среди русинскаго населенія много толковъ. «Жидова и польскіе патріоты», говоритъ г. Наумовичъ, «пустили въ ходъ слухъ, что на похороны покойнаго Императора всеѣмъ будетъ данъ свободный проѣздъ даже безъ паспорта и на счетъ русской казны. Конечно, многіе изъ галичанъ, выразившихъ желаніе съѣздить въ Петербургъ, поболтали и остались, но Дѣдухъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Изъ разсказа его по возвращеніи изъ Петербурга, г. Наумовичъ убѣдился, что этотъ глубоко религіозный старикъ, кромѣ желанія присутствовать на церемоніи погребенія покойнаго Государя, имѣлъ еще другой мотивъ для далекаго путешествія. Его религіозное чувство было оскорблено тѣмъ, что когда онъ нѣсколько лѣтъ назадъ ѣздилъ въ Кіевъ, на поклоненіе кіевской святыни, то замѣтилъ, что въ Россіи по городамъ не празднуютъ воскресенья, а торгуютъ и работаютъ. «Тамъ еще хуже, чѣмъ у насъ», говорилъ Гринько Дѣдухъ г. Наумовичу и очень печалился этимъ обстоятельствомъ. Отправляясь въ Петербургъ, Гринько Дѣдухъ надѣялся подать прошеніе Государю, чтобы Государь приказалъ «недѣлечку святковати» (праздновать воскресенье).

Казалось бы, что можетъ быть невиннѣе этого путешествія 70-лѣтняго глухаго старика-крестьянина въ Петербургъ, однако оно имѣло для него непріятныя послѣдствія. Г. Наумовичъ сообщаетъ, что въ настоящее время галицкія власти дѣятельно производятъ разслѣдованіе, зачѣмъ Гринько Дѣдухъ ѣздилъ въ Петербургъ, кто его подговаривалъ къ этому и пр. и пр. Галицкіе поляки усмотрѣли въ этой поѣздкѣ явные слѣды «москалофильской агитаціи» и усердно разыскиваютъ ее. Что казали бы эти господа, если-бы русскія власти такъ относились къ полягамъ привислянскаго или юго-западнаго края, путешествующимъ въ Вѣну?

(Кіевлянинъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

«НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ».

ЕЕ СОСТАВЛЯЮТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ:

I. СТАТЬИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ, гдѣ, кромѣ слова св. Василія Великаго во время голода и засухи, также двухъ неподражаемыхъ словъ св. Димитрія, митроп. рост., Филарета, М. М. и прочихъ, представлены мудрыя изрѣченія св. подвижниковъ, отвѣты на возраженія противъ вѣры и проч. Всѣхъ статей 9. II. КРАТКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ РАЗСКАЗЫ. Числомъ 68. III. БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Въ началѣ сего отдѣла изображены: Конфуцій, Гомеръ, Сократъ и проч. въ концѣ—Державинъ, графъ Сперанскій. Всѣхъ біографій, съ однимъ дополненіемъ, 27. IV. ПРОСТРАННЫЕ И ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ—повѣсти и рассказы о приключеніяхъ необычайныхъ, иногда исполненныхъ ужаса, или умялительныхъ. Числомъ 10. V. ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ. Статей—8. VI. РУССКІЕ ПАТРИОТЫ, жертвовавшіе имуществомъ, а иногда жизнью, для спасенія отечества. Статей—8, лицъ—15. VII. ОПИСАНІЯ, напр. богатства и роскоши древняго Рима, бѣдствій іудеевъ, при осадѣ Іерусалима, изверженій огнедышащихъ горъ и землетрясеній, моровой язвы, голода въ Москвѣ въ началѣ XVII вѣка, голода въ Китаѣ, доходившаго до людоедства, человека безъ рукъ и безъ ногъ, но образованнаго, нищающаго и проч. Статей—15. VIII. СУЕВѢРІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ, вредныя не только въ умственномъ и нравственномъ, но и экономическомъ отношеніяхъ, какъ-то: опахиванія сель, придучванья и зѣванья, договоры съ діаволомъ, духъ пророчитель, самосожженіе, рассказы о мертвецахъ, о порченныхъ и проч. Числомъ—11. IX. ТЕМПЕРАМЕНТЫ И ФИЗИОНОМИКА. Статей—6. X. ЭКОНОМИЧЕСКІЙ, напр. о необходимости для крестьянъ четырехпольнаго владѣнія землею, какъ однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства Россіи; мѣры противъ пожаровъ; нестарая-

мья постройки; необходимость желѣзной дороги отъ С.-Петербурга къ Облому морю, гдѣ пудъ сельдей доходить до 15, даже до пяти копѣекъ; мѣры противъ пьянства; о разстановкѣ вѣхъ не зимою, а предъ наступленіемъ зимы и проч. Статей—14. XI. О МОДАХЪ. Въ этомъ отдѣлѣ о сумазбродствахъ модъ, т. е. ихъ изобрѣтателей и проч., о подражательности обезьянъ и *нѣкоторыхъ* женщинъ, о шиньонахъ и проч. Числомъ—5. XII. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ гдѣ, кромѣ человѣка, тигра, обезьяны и другихъ животныхъ, представлены: разговоръ кабана со львомъ; морская змѣя, 170-ти футовъ въ длину и 8-ми фут. въ толщину, обвившаяся два раза около Кита и пожиравшая его; борьба съ гигантскимъ Спрутомъ на днѣ морскомъ, индѣйца Маго, вооруженнаго ножомъ; раковина Вернара, отражающая добрыя и худыя мысли тѣхъ, кто приложитъ къ ней свое ухо; птицы—Звонарь и Пересмѣшникъ, изъ которыхъ первая звонитъ, какъ большой колоколъ, вторая поетъ какъ соловей и можетъ подражать голосамъ всѣхъ животныхъ, и проч. Статей—20. XIII. КАКЪ ДОЛЖНО ОБРАЩАТЬСЯ СЪ ЖИВОТНЫМИ. Разность обращенія съ лошадьми русскихъ крестьянъ и инородцевъ въ Россіи; о жалости къ животнымъ и т. п. Числомъ—9. XIV. РѢДКОСТИ ПРИРОДЫ И ИСКУСТВА; напр. милліоны микроскопическихъ животныхъ въ каплѣ воды; рѣка Амаз. въ 200 верстъ ширины; церковь св. Петра; исполинскія деревья, чудовищная змѣя съ золотыми рогами и проч. 8. XV. ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ: книгопечатаніа, бумажныхъ денегъ и проч. 5. XVI. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ВЫДАЮЩІЯСЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Собраніе Руси, учрежденіе почтъ, уничтоженіе мѣстничества, а впоследствии пытокъ; сводъ законовъ, освобожденіе крестьянъ. 7. XVII. МЫСЛИ, МНѢНІЯ, ОТЗЫВЫ. 16. XVIII. НОВѢЙШІЯ СОБЫТІЯ. Разладъ съ Китаемъ; наши сношенія съ Китаемъ; царубійство въ Россіи. 3. XIX. СТАТЬИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ, гдѣ описаны: сонъ Фридриха II въ ночь рожденія Наполеона I и пр. 16. XX. СТИХОТВОРЕНІЯ—образцовыя и исполненныя занимательности. 36.

Книга предназначена и предлагается вниманію читателей всѣхъ классовъ и возрастовъ обоого пола. Она содержитъ въ

себѣ болѣе 500 страницъ octavo, убористаго, но чоткаго и яснаго шрифта, статей—300. Цѣна ея безъ пересылки 1 рубль серебромъ. Съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ въ количествѣ отъ 3 до 10 экземпляровъ 1 р. 25 к. за каждый; менѣе 3-хъ, 1 р. 45 к., потому что упаковка и доставка въ почтамтъ одного, или пяти экземпляровъ, требуютъ одинакаго количества времени и проч. Выписывающіе болѣе 10 экз. пользуются уступкою 10% т. е. при полученіи въ редакціи, представляютъ 90 коп. за каждый, а чрезъ доставку и пересылку 1 р. 12 к.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями до 22 іюля по слѣдующему адресу: Въ С.-Петербургѣ. Въ редакцію изданной книги: «НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ», Невскій просп. д. графа Шувалова, № 75—1, кв. 2.

Гг. требующіе книгу благоволятъ писать свои адреса разборчиво, чотко и ясно, для устраненія редакціи отъ недоумѣнія, при разсылкѣ книги. Редакторъ-издатель священникъ Теодоръ Понятовскій.

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ, въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Святѣйшаго Синода на Петровской площади и въ Москвѣ, въ зданіи синодальной типографіи, поступила въ продажу вновь отпечатанная въ с.-петербургской синодальной типографіи, брошюра:

О СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНІИ РАСКОЛА ВЪ РОССИИ,

цѣною въ 15 коп.

Гг. многогородные на пересылку означенной брошюры должны прилагать вѣс. деньги за 1 фунтъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПРЕКРАСНО-ИСПОЛНЕННЫЕ ПОР-
ТРЕТЫ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

Императора АЛЕКСАНДРА III
и Императрицы МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ

для частей войскъ, мировыхъ судей, волостныхъ и сельскихъ
правленій, учебныхъ заведеній, разныхъ учрежденій и лицъ.
Портреты, величиною каждый: 12½ вершковъ въ длину и 9
вершковъ въ ширину, исполнены на камнѣ по самымъ послѣд-
нимъ фотографіямъ извѣстнымъ художникомъ-портретистомъ

Н. Ф. БОРЕЛЕМЪ и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ тономъ.
Цена каждому портрету 1 Р. съ пересылкою. За оба пор-
трета вмѣстѣ: 2 Р. съ пересылкою.

Книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Съ требованіями обращаться *исключительно*: въ С.-ПЕТЕР-
БУРГЪ, въ редакцію журнала «ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ»,
по Николаевской ул., д. № 48. 6—4.

СОДЕРЖАНІЕ. Украинофильство съ его затѣями о дву-
текстныхъ учебникахъ. (продолженіе). Рѣчь къ воспитанникамъ,
окончившимъ курсъ ученія въ Волынской духовной Семинаріи
въ 1881-мъ году. Лѣтопись текущихъ событій. Объявленія.

№ 21 Вол. Епарх. вѣд. данъ на почту 21 Іюля 1881 года.

Редакторъ *П. Бяляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 17 Іюля 1881 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.